

HORRORZONE

МАКСИМ КАБИР

КЛЮВЫ

HorrorZone

Максим Кабир

КЛЮВЫ

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кабир М. А.

Клювы / М. А. Кабир — «Издательство АСТ»,
2022 — (HorrorZone)

ISBN 978-5-17-151187-6

Три миллиарда безумцев. Три миллиарда потенциальных убийц. Сон превратил треть населения планеты в лунатиков, жаждущих крови, а главные герои в Праге, Токио, Подмосковье, по всему миру должны понять, кто такой Песочный человек и как остановить апокалипсис. Времени у них в обрез. Ровно столько, сколько они смогут не спать.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-151187-6

© Кабир М. А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

48

Максим Кабир

Клювы

© Максим Кабир, текст, 2022

© Валерий Петелин, обложка, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

«Роман «Клювы» крепче самого крепкого кофе. Вы точно не уснете, не дочитав до конца. Да и как можно спать в Праге? Ведь в ней столько всего интересного, загадочного и до сих пор непостигнутого...»

Издательство Oktan-Print (Чехия)

«Имя Максима Кабира давно уже стало синонимом качества. Одного взгляда на обложку достаточно, чтобы понять – будет страшно. Будет увлекательно. Будет кровь, секс, смерть и древние твари. И Кабир не разочаровывает».

Олег Кожин, писатель

«Истории Кабира... это всегда дом с двойным дном. Ни одна из них, особенно если речь идет о большой форме, не будет проходной байкой о том, как где-то завелось что-то и кого-то съело».

Horrorzone.ru

* * *

Денису, Наташе и Дане Чернявским с пожеланием безмятежных снов

1.1

Человек распластался на асфальте, словно молился стенду с расписанием транспорта. Корней Туранцев, только что выпрыгнувший из трамвая, едва не выронил пакеты. В пяти метрах от него мужчина водил головой вправо и влево и чуть сучил ногами – взгляд Корнея зафиксировал зеленые носки между штанинами брюк и замшевыми туфлями.

Шестой номер поехал прочь, бросив удивленного Туранцева наедине с представителем оригинального религиозного культа – кроме них, никого не было ни на остановке, ни на площадке у железнодорожного вокзала поодаль. Уплыли желтые трамвайные окна, инкрустированные темными абрисами – силуэтами пассажиров.

На ветру шуршали кроны лип, тикал размеренно светофор, и носки замшевых туфель елозили по асфальту.

Долгое тяжелое лето подходило к логическому завершению. Вечера становились прохладными. Корней прибавил к футболке и джинсам плотную клетчатую рубаху. Сейчас под фланелью пробежали мурашки.

– Простите, вам плохо?

Внутренний голос, неоднократно выручавший его в прошлом, шепнул: «Это не твоя забота, Корь, иди куда шел».

Корней замаялся нерешительно. Возле металлического конуса урны темнел оброненный портфель, явно не из дешевых. В городе хватало бродяг и психов, не так много, как на родине Корнея, но хватало. К наркоманам государство относилось почти трепетно, снабжая деньгами, – лишь бы не крали.

Но мужчина не был похож на вагабонда. И пиджак он испачкал недавно, преклоняясь великому богу электричек. Классический пиджак, фиолетовый галстук, закинутый за плечо, как язык запыхавшегося зверька в каком-то американском мультфильме.

– Пан...

Корней шагнул к мужчине. Туфли монки сверкнули пряжками в свете фонаря. Скрюченные пальцы хватили воздух в каком-то остервенелом религиозном экстазе.

Ощущая беспокойство, Корней повертелся. Но и в скверике позади, и у охристо-бежевых домов за перекрестком не увидел прохожих. Район Вршовице был тихим и малолюдным, что сыграло определяющую роль в выборе жилья.

«Он пьян, – сказал внутренний голос, – или под кайфом. Не мешай человеку другой конфессии».

А мужчина молился.

Бил поклоны, тряс головой, невнятно бормотал.

Его божество, белое с красным, электрическое рогатое божество, скоро должно было перевести городской транспорт в ночной режим, и Корней неуютно поехал.

– Ну и ладно, – буркнул он.

Человек повернул голову так резко, что хрустнули позвонки. Светофор запиликал быстро-быстро и озарил зеленым упитанное лицо. По подбородку мужчины струилась кровь. Его рот был разорван, нижняя губа превратилась в лохмотья, явив десны и ряд аккуратных зубов того же оттенка темной охры, что и полосы на фасаде зданий.

Корней непроизвольно охнул.

Глаза мужчины, тусклые и бессмысленные, зацепились за него.

Наркотики, определенно. Не безвредная травка, аромат которой Корней часто ловил около пабов. Что-то куда опаснее, вроде сальвии – Корней видел на ютубе результаты употребления психоактивных веществ. Бедолаги калечили себя, кидались под автомобили, в чем мать родила разгуливали по трассам.

Сектант (привычка Корнея награждать всех прозвищами) улыбнулся криво.

«Боже, – ужалила догадка, – он терся губами об асфальт!»

Судя по блаженной гримасе, мужчина не испытывал боли... пока. За зубами шевельнулся язык – светофор тикал медленно, плеская на остановку красным.

От обилия багрового Корнея замутило.

– Прекратите!

Сектант громко шелкнул челюстью.

И заговорил.

Туранцев два года учил чешский. Зимой сдал государственный экзамен; уровень B2: согласно выданному Карловым университетом сертификату, он владел языком на восемьдесят процентов.

Но из того, что сообщил ему Сектант, Туранцев расшифровал лишь пару слов: «мороженое», «карусель».

Корней был настолько поражен, что прослушал, как следующий трамвай прибыл к Надражи Вршовице, постоял, не открывая дверей, и укатил на восток. Мозг выкопал зачем-то информацию: трамвай в чешском языке – женского рода. Не бог, а богиня.

Сектант, выговорившись, ткнулся губами в липкую лужу, как корова на водопое. Голова замоталась из стороны в сторону, раздирая губы. Что-то скребнуло... Это резцы чиркнули об асфальт.

– К черту тебя! – выпалил Корней. Он не нанимался возиться с сумасшедшими, здесь ему платили за то, что он верстал книги в офисе. Отвечал за расположение текста и оформление страниц.

Не сверяясь со светофором (все равно ноль машин), Корней пересек проезжую часть. У деревьев обернулся. Сектант выгибал спину. Хвала небесам, шорох *человеческого лица* о тротуарное покрытие не доносился через дорогу.

Впереди возвышались Надражи – вокзал. Отсюда в четырнадцатом году Корней совершил первые шаги по Праге. Тогда он знал на чешском одну-единственную фразу: «Проминьте, не млувим чески, мужу млувит в руштыне». И Маринка еще была рядом.

Корней вынул телефон, набрал номер скорой помощи: сто пятьдесят пять.

– На трамвайной остановке мужчина травмирует сам себя. Он в крови.

Диспетчер записала адрес.

«Ты молодец, Корь. Теперь это их проблемы».

Но настроение было испорчено, а совесть имела свое мнение насчет случившегося.

Ругая психопата, Корней поплелся налево. Пустынная улочка полого спускалась к парку и Ботичу – обмельчавшей горной реке. По забавному стечению обстоятельств, называлась она Украинска и миролюбиво сосуществовала с улицами Петроградска и Новгородска. Ухоженные кусты, дома с классической черепицей, в четыре и шесть этажей.

Главные ориентиры – поликлиника, аптека, бомжиха на лавочке.

Корней прозвал ее Бабушкой Догмой – именно слово «Догма», набранное костистым шрифтом, ярче прочих слов выделялось на афише, которой кто-то залепил спинку скамейки. Потрепанный дождями плакат рекламировал позапрошлогодний рок-фестиваль, а «Догмой», видимо, именовалась какая-то играющая блэк-метал группа.

Тучная старуха с отеками слоновьими ногами оккупировала лавочку, не оставив шанса соперникам. В капустном ворохе одежек, окруженная уймой узлов и пакетов, презрительно косящаяся на пражан, туристов и гастарбайтеров.

Бомжиха материализовывалась у поликлиники по вечерам и была для Корнея неотъемлемым элементом пейзажа, как вокзал или китайский магазинчик дальше по улице. Однажды, не застав ее, Корней искренне огорчился и дважды выходил на крыльцо, точно потерявший домашнего любимца сердобольный хозяин.

Но история закончилась хеппи-эндом: Бабушка Догма вернулась, шумно опорожнилась под аптекой и заняла свой пост.

Вот и сейчас она отдыхала, скрестив на груди руки. Ступни расположила так, чтобы касаться ими скарба. Будто опасалась, что воры умыкнут ее мусорные сокровища, стеклотару по две кроны за бутылку.

Обычно Бабушка Догма дефилировала в тинейджерской бейсболке с плоским козырьком, но сегодня, как бы напоминая о грядущей осени, она нахлобучила совершенно советского вида шапку-петушок.

– Знала бы ты, что я только что наблюдал...

Бездомная причмокивала во сне. Жесткие черные волоски обрамляли рот. Иногда она недовольно подергивала плечами.

До переезда в Чехию Корней не курил шесть лет – завязал в университете. То ли Маринка настояла, то ли утренний кашель надоел. Но ритм заграницы вынудил возобновить вредную привычку. Европейские цены на табак били по карману. Экономя, он смолил по три сигареты в день. Сейчас хотелось выкурить три подряд.

За поликлиникой взывала сирена. Грузно шевельнулась Бабушка Догма.

«Отлично...» – выдохнул Корней, мысленно препровождая скорую помощь к трамвайной остановке, к полоумному фанату мороженого и каруселей. По крайней мере, Сектант не успеет убить себя. Этим вечером – не успеет.

«Галлюциногены в Праге? Да чем вам не угодили „Пльзень“ с „Бехеровкой“?»

Он затыкнулся, вспоминая одноклассников – от клея их глаза становились такими же мутными. Пахнуло сыростью бойлерной, интернатским туалетом, обработанным хлоркой. Корней швырнул окурок в урну и набрал код на домофоне.

Та жизнь закончилась. Отряхнулся и забыл.

В подъезде ни шатко ни валко шел ремонт. Потолки обросли алюминиевыми профилями для крепления панелей. У клетки лифта валялись планки, подвесы и декоративная плитка. В свое время Корней подивился наличию лифтов в четырехэтажных зданиях.

– Нет, ты видел?!

На первом этаже дядя Женя задумчиво изучал потолочную конструкцию.

– Что там? Здравствуйте.

Дядя Женя, не глядя, пожал Корнею руку.

– Говорю, видел, как эти труженики работают?

– Как?

– Как-как. Хреново. Полтора часа пожужжат дрелью, а результат – кот наплакал.

Сварщик дядя Женя приехал в Прагу из Ставрополя. Он изъяснялся на чешском бегло, с добротными вкраплениями русского мата. Девятого мая обклеил окна квартиры рисунками танков – так Корней и узнал, что сосед из СНГ. Завели беседу, выпили пиво. Дядя Женя прихлопнул воблу – купил в русском магазине.

Усатые мужики ассоциировались у Корнея со вторым отчимом. А второй отчим был гораздо лучше первого и третьего. Рот дяди Жени подковали казацкие усищи. Он крутил то один ус, то второй и ворчал:

– В кои-то веки – на работу к обеду! А хрен выплещись. Захрапел – они тут как тут, и жу-жу-жу, жу-жу-жу. Хоть толк бы был какой! – Он сплюнул воздухом. – Ух, послезавтра выходной... Берушами запасусь. Храпеть буду до полудня.

– Дядь Жень...

– Опять дядькаешь? – осек сосед.

– Женя, – исправился Корней, – десять минут назад на остановке...

Он рассказал о Сектанте – изумить ставропольца было сложно.

– Я говорил – легалайз их до хорошего не доведет. Курят дерьмо, шизеют. Наша водка всегда лучше.

Корней согласился. Они поболтали о футболе («Скоро отбор, уж мы им покажем») и разошлись. Дверь на первом этаже была помечена фамилией жильца: Turansev. Когда хозяйка вставила бумажку в пластиковый карманчик на дверном полотне, Корней минуту любовался собственной фамилией: «Вот оно! Мой первый настоящий пражский дом».

Скромная квартира казалась хоромами по сравнению с норкой, которую он арендовал весной в спальном районе Опатов.

Справа при входе – туалет. Прихожая (по совместительству кухня) вмещает вешалку, трюмо, печь, стиральную машину, холодильник и раковину. Все, что нужно молодому парню. В просторной комнате – кровать, гладильная доска, рабочий стол, шкаф-купе, дверь в ванную.

Ему особенно нравился гардероб с двухметровой фотопечатью на створках. Там была изображена ночная улица, уходящая вверх, старинные дома в натуральную величину, блестящая после дождя брусчатка.

По соседству выясняла отношения шумная парочка. Забавно, Корней не встречал их в подъезде, только слышал «чурак, блбец» через стену; может, они ругались в одном из сфотографированных домов гардеробной улицы.

«Я дома», – подумал Корней.

Он принял душ, поджарил сыр, разогрел вчерашний борщ. Готовить он научился в десять лет и отнюдь не по своему желанию. Маринка говорила, что не пробовала ничего вкуснее его стряпни.

Листая новостную ленту, Корней поел и запил ужин водой из-под крана.

От образа Сектанта (нижняя губа слилась с подбородком в кровавое месиво с сочащимися продольными рытвинами) он отгородился планами на завтра.

Оксана. Харьковчанка, первый месяц в Праге, не бывала на Петршине, и он пообещал исправить оплошность.

Два года назад – страшно подумать – Корней расстался с Маринкой, и с тех пор у него не было девушек. Ладно, была одна после бурной вечеринки в клубе «Vzorkovna», но вспоминать не о чем.

Лингвистический подвиг потребовал от Корнея слишком много сил и времени, чтобы впускать в жизнь еще и подружек.

Но теперь-то под ногами относительно твердая почва. А кровать в съемной квартире такая широкая.

Он потянулся мечтательно.

Комнатные окна выходили во внутренний дворик четырех сомкнувшихся зданий. Газоны поросли ползучим клевером, мусорные баки, напоминающие внебрачных детей робота R2D2, бросали на асфальт тени. Нажатием кнопки Корней опустил металлические жалюзи.

Соседи уснули, не найдя компромисса.

В темноте под толстым одеялом образ Сектанта таки настиг Корнея.

Безумец стер лицо и добрался до костей черепа.

– Блбец... – процедил Корней.

И снова обрадовался, что за двадцать семь лет жизни ни разу не видел снов.

1.2

Ночь накрыла город перепончатыми крыльями, саваном укутала. Летучие мыши парили над чешуйками кровель, над канделябрами газовых фонарей на Градчанской площади, над чугунным пятитонным ярко-зеленым Чумным столбом. Короли, рыцари и мученики проживали свои каменные столетия, заграбастав верхотуру Праги, а внизу дремали автомобили и редкие пешеходы топтали брусчатку.

Туристы из самых крепких курсировали по Вацлаваку, кутили на Староместской. Но лишь отойди от сердцевины, от аромата колбас и сдобы – и тьма пожрет голоса.

Тени пробуждались под стропилами колоколен и клиросами запертых храмов, в еврейском гетто у Староновой синагоги и возле панельных новостроек Стодулки.

Никого не было на извилистых улочках в стороне от проторенных зеваками троп.

Пражане спали.

Снаружи (1): Токио

Профессор Таканори Тоути разлепил веки и увидел призрака.

Часы в виде полумесяца (подарок шурина) показывали два часа, настоящая луна заглядывала в окна – до того чтобы полностью явить себя людям, ей не хватало пары дней. Свет озарял книжные полки, ценные гравюры периода Эдо и белую форму, висящую среди гостиной.

В комнате было тихо. Супруга не похрапывала под боком – левая половина кровати пустовала.

Профессор близоруко сощурился.

Приподнялся, не отрывая взора от гостя, нашупал очки. Водрузил их на переносицу.

Форма приобрела законченные очертания. Шелковая сорочка до колен, шерстяные носки. Переступив семидесятилетний рубеж, жена стала мерзнуть по ночам. Из-за темно-фиолетовых носков Тоути и померещилось, что светлое пятно парит над полом.

Никакой не призрак – его супруга стояла к брачному ложу спиной, будто изучала гравюры будзинга мастера Тории Киенага.

– Ю?

Жена не реагировала.

Босые пятки Тоути коснулись прохладного паркета.

Мысль кольнула иглой: старческое слабоумие. Деменция – то, чего он так боялся. Его Ю уйдет, пронизательный разум осыплется песком в яму беспамятства, останется дряхлое тело.

– Ю...

Женщина, которую он любил сорок лет, которой посвятил все свои книги, его муза, не откликнулась.

Профессор подошел к жене, попутно щелкнув выключателем. Свет обжег сетчатку. Красотки позапрошлого века взирали с рисунков.

Тоути взял Ю за плечо – хрупкое, тонкое – и аккуратно повернул.

Лицо женщины оплыло, как свеча. Рот приоткрылся, губы блестели от слюны. Зрачки расширились, оттеснив голубизну радужки. Черные глаза вперились в мужа, не узнавая.

– Все хорошо, – мягким голосом сказал Тоути.

– Хорошо... – эхом отозвалась жена.

Он отметил миоклонические подергивания мышц. Потрогал теплый лоб.

Память подсунула отрывок из Шекспира:

«Ее глаза смотрят на нас!»

«Да, но они ничего не видят».

Мучимая совестью леди Макбет бродит по замку, пытаясь смыть кровь...

– Послушай, – сказал Тоути озадаченно, – по-моему, ты спишь.

– Сплю, – легко согласилась Ю.

Хожение во сне могло быть признаком болезни Паркинсона, но у Тоути отлегло от сердца.

– Пойдем. – Он увел Ю к постели.

За растрепанными седыми волосами женщины висела луна – голова была вписана точно в ее круг. Тоути вспомнил другие гравюры, европейские: девушек-сомнамбул, что прокладывают путь по безлюдным паркам, освещенным полной луной.

Предки заблуждались, связь сомнамбулизма с ночным светилом была лишь мифом, байкой.

Рука Ю отклеилась от туловища.

– Песочный человек прилетел, – сказала она и трижды ткнула кулачком в солнечное сплетение мужа.

Будто постучала в дверь.

«Нет, – подумал он, леденя, – будто ударила воображаемым ножом».

– Ладно, – произнес профессор, – ты меня убила.

Дыхание Ю было неритмичным, характерным для дельта-сна. Температура повышена на несколько градусов из-за сжатия периферических сосудов.

Тоути осек себя: Ю – не подопытный экземпляр, просто отведи ее в кровать.

– Дорогая...

Жена поднесла кулачок к щеке. Высунула язык и лизнула воздух.

Тоути подумал, что если Ю представляла нож, которым пронзила его грудь, то теперь она слизывала с лезвия кровь.

2.1

Нескончаемые толпы струились по мосту со Стáре-Мéста к Мáла-Стрáне и наоборот. Галдели на всех языках мира, фотографировались, загадывали желания.

Шарманщик крутил рукоять шкатулки, ряженный пугал детишек, кукловод помогал тряпичному музыканту брэнчать на гитаре. Музицировал джаз-бэнд. Солнце палило в безоблачном небе. Жирные ондатры вылезали погреться на сваи, позировали, радуя приезжих.

А Влтава несла свои свинцовые воды, как несла их при Борживом и раньше, много раньше. Возможно, она вспоминала большие потопа – «Столетний», тысяча восемьсот девяностого, или относительно недавний, затопивший Моравию, девяносто седьмого. Реки любят ностальгировать о разрушениях и разбухших трупах в иле.

Так, по крайней мере, полагал Филип Юрчков.

Он сидел под самой поздней из скульптур на мосту – под Кириллом и Мефодием. Напротив застыла молодая кореянка. Не крутилась, не дергалась, как некоторые, – подошла к процессу со всей ответственностью. Сложив пухленькие кисти на коленках, старалась помогать художнику. И ее подружки чинно ждали результата, не заглядывая Юрчкову через плечо.

Сосредоточенно, с видом истинного профессионала, Филип озирал модель перед тем, как чиркнуть грифелем по бумаге. Хотя он мог изобразить кореянку зажмурившись – одного короткого взгляда ему хватало, чтобы запомнить лицо.

Карандаш намечал носик и круглые щеки. Слегка утрированно, в меру карикатурно. Главное, повеселить, но не обидеть клиента.

Девочка заботливо упакует листок в целлофан, увезет в Нонсан, Пусан или Сеул, или откуда она там.

Рисовать шаржи Юрчков начал прошлой весной. Добыл лицензию, одной левой накидал для рекламы комичные портреты Анджелины Джоли, Владимира Путина и Тома Круза. Не ради заработка – он жил за счет продажи картин. Но психолог советовал чаще выходить из дома и бывать среди людей. А где людей больше, чем на Карловом мосту?

В конце концов, ему даже понравилось дарить улыбки незнакомцам. Да, прежде избегаемый мост (толпы, попса, фи!) стал отдохновением. Грифель порхал, сооружая смешные мордашки, уличный джаз-бэнд вдохновлял.

Но сегодня работа не ладилась.

Карандаш словно ковылял по бумаге, хромал, спотыкался. Чаще обычного Филип использовал ластик.

Календарь отлистывал последние дни лета. Чертова неделя не заставила себя ждать. Четвертая чертова неделя, личный, до одури пунктуальный палач.

Филип Юрчков был крупным мужчиной с руками не живописца, а плотника. С обветренным лицом мореплавателя. Грудь – колесом, живот – бочонком. Но глубоко внутри, под жирком и мышцами, он был хрупким и крошащимся, как ледок.

И садист-август – четыре года подряд – погружал в него холодные пальцы, скручивал, ломал.

Чертова неделя наступала в двадцатых числах, плюс-минус день, и длилась до сентября. Психологу все было предельно ясно. А вот фармацевты удивлялись: снотворное, которое они выписывали, вырубало бы и лошадь.

В преддверии осени Филип переставал спать.

Не выручали ни таблетки, ни народные средства. Он перепробовал кучу способов, следовал советам друзей и лайфхакам из Интернета. Купил ортопедический матрас, бросил курить, занялся бегом (ладно, «занялся» – громко сказано, пробежал по Вальдштейнским садам трижды). Ел, как рекомендовали, кешью и палтус (магний способствует здоровому сну). Он вычеркнул из рациона кофе, заменив на ромашковый чай, приспособился к ранним ужинам. Считал овец, воображал райские сады. Разве что медитации чурался.

Морфей плевал на магний, рвал в клочья стада овец.

Пять, шесть, семь августовских ночей Филип Юрчков не смыкал глаз. Ворочался в постели, комкая простыни, вскакивал, наматывал по спальне круги. Глотал пилюли, заново падал в кровать, мутузил подушку, словно боксерскую грушу.

Конечно, он пробовал выдоить пользу из наваждения: брался за кисть. Но ничего путного не выходило. На рассвете он брезгливо стряхивал черновик с мольберта. Мазня! В такие ночи талант покидал его, а запах краски и олифы вызывал отторжение. Истощенный, он валился на пол посреди студии. Яна смотрела со стен, с холстов, повторяясь в десятках портретов.

Яна...

Вчера старый знакомый вернулся. Сквозняком отворил створки окна, словно шепнул: «Я здесь, я пробуду с тобой до осени, и через год тоже, и потом через год – пока ты не сдохнешь, пока не выполнишь обязательство: присоединиться к жене».

И вдовец заплакал, как ребенок.

А утром, изучая в зеркале осунувшийся лик, синяки и помятости, сказал:

– Смирись. Хватит бороться. Хватит давиться таблетками и орехами. Ты его не прогонишь. Ты не уснешь.

Корейка затаила дыхание.

В черепной коробке звенело, а карандаш не желал слушаться.

Туристы, сувениры, черт Тоничек, приятель Гинек с картинками соборов.

Раньше все было иначе.

Филип родился Пражской весной шестьдесят восьмого. Отец, тогда еще молодой и амбициозный адвокат, приветствовал советские танки. Он говорил, что сын пойдет по его юридическим стопам.

В восьмидесятые старший Юрчков дослужился до теплого местечка в ЦК КПЧ.

Филип, забив на учебу, тусовался с нечесаной богемой. Оформлял альбомы рок-групп. Рисовал карикатуры на Горбачева и Гусака. Вместо университета пошел в маляры. Пролетарский труд приносил ему такое же наслаждение, как живопись.

Отец назвал его педерастом и выгнал из дому. Он жил в мастерских у друзей, спал на холстах и подрамниках. Читал Маяковского и Изидора Дюкасса. Рисовал багровыми, алыми, пурпурными красками.

В восемьдесят девятом ему исполнился двадцать один год. Высокий, тощий, мосластый, с развевающимися по ветру космами, он шел от памятника Оплетала к метро «Народни тршида» и скандировал со всеми: «Хартия! Гавел!» Ему не было дела до серьезной политики и до Гавела, но тот ноябрь дал шанс на миг стать Маяковским, Че Геварой, богом.

С бастующими актерами он слушал «Голоса» и рычал от гнева, узнав, что полицейские избивали студентов. Ему казалось, это отец, напыщенный догматик, лично бил демонстрантов дубинкой.

Двадцатого ноября огонь восстания объял республику. Гигантская глотка ста тысячами голосов заговорила на Вацлавской площади. Подкосились глиняные ноги режима.

Но были еще уродливые желтые автозаки, бронетехника, экипированная полиция и полиция в штатском, Филипу заламывали руку – он ударил затылком, вырвался и убежал.

На Летненском поле сотни тысяч чехов требовали свободы. Пела опальная Марта Кубишова.

И вот тогда Филип увидел ее: девушку с волосами цвета пламени. Такого же интенсивного оттенка, как те, что он выбирал для своих картин. Девушка в джинсах и вязаном свитере вздымала к небу кулачок. Филип встречал ее прежде: на снимках взбунтовавшегося Парижа, на полотнах Делакруа.

Чехи скидывали Гусака, упраздняли единовластие партии, боролись за политзаключенных, а Филип смотрел, приоткрыв рот, на рыжее пламя, на куриную лапку пацифика, припиленную к рукаву незнакомки.

Толпа шевельнулась – Филип испугался, что потеряет девушку, ринулся вперед, расталкивая митингующих. Поймал помеченный нашивкой рукав. За качнувшимися кудрями пряталась изумруды глаз, вопросительно приподнятая бровь цвета меди.

Со всей наглостью двадцати с хвостиком лет он выдохнул:

– Меня зовут Филип, я лучший в Праге художник! Если мы победим, ты поцелуешь меня?

Морщинка на лбу (как он любил потом эту морщинку!) разгладилась. Улыбнулись задорно глаза.

Девушка сказала:

– Мы уже победили, глупый.

Встав на цыпочки, она прижалась губами к его пересохшим губам. То не был французский поцелуй, но не был и поцелуй сестринский. Что-то среднее; так целуются накануне краха эпохи.

Она взяла его за руку, и они вместе выкрикивали имена, которые больше не имели для Филипа никакого значения.

Ее звали Яна, она переводила на чешский поэзию сюрреалистов. Позже, познакомившись с будущей невесткой, отец скажет, что она «девка», проститутка, а Филип даст отцу пощечину и на десятилетие оборвет связь с ним.

Яна была старше Филипа на пять лет.

Читала наизусть странные стихи Бретона и Десноса. Они пили вино из горла и занимались сексом во дворе-колодце заколоченного дома. Там громоздилась какая-то рухлядь, кушетки, кресла. От холода соски крошечных Яниных грудок превращались в камушки, в окаменевшие виноградины. Веснушчатые предплечья пахли парным молоком, а лоно – дымом и океаном. Он припадал к огненным зарослям, чтобы языком собрать смолянистый нектар.

И, разумеется, он рисовал ее – одетую и нагую, сидящую на пианино с широко раздвинутыми ногами. Идущую по парку, танцующую, молодую, стареющую.

Политика ушла из сросшихся жизней и не возвращалась впредь. Им было чем себя увлечь, помимо Дубчека и Гавела, помимо телевизора и выборов.

Они поженились в девяностом. Абсолютную идилию нарушало отсутствие детей. Под рыжими прядями маскировался шнурок шрама. В двадцать Яне удалили из мозга опухоль. Она заново научилась говорить, писать, читать. При операции был затронут мозжечок – врачи предостерегали, что роды могут вызвать рецидив, хотя в случае с кесаревым сечением опасность снижалась.

Филип запретил жене рисковать.

Девяностые они провели в путешествиях: Испания, Франция, Алжир. Его картины выставлялись в галереях, она переводила для больших издательств.

Порой ночью Филип пробуждался от неизбывного страха, что Яна – лишь счастливый сон, что она ускользнула от него, утонула в толпе демонстрантов. Но Яна посапывала рядом, он обнимал ее и утыкался носом в волосы (поседевшие местами).

Он растолстел и облысел.

– Мальчик... – говорила она ему ласково.

Двадцать лет.

А в две тысячи девятом, за год до фарфоровой свадьбы, Яна тайно сняла номер в роскошной гостинице, выпила бокал совиного, набрала ванну, включила The Animals и вспорола бритвой вены от запястья до локтя.

Ряженный в костюме смерти промаршировал по мосту.

Чертовы недели пришли не сразу – но, придя единожды, сказали, что станут регулярными гостями вдовца.

Карандаш чиркнул по бумаге и сломался, оставив жирную точку. Филип вздрогнул, выронил лист; рисунок спланировал на брусчатку. Улыбка кореянки стремительно завяла. Девушка взвилась, защебетала возмущенно. Заахали ее подружки.

В голову влез дурацкий образ: он, Филип, – апостол Иуда Фаддей, его окружают и вот-вот забьют дубинами язычники. Памятник мученику нравился Филипу больше других скульптур на Карловом мосту. Иуда покровительствовал безнадежным делам, и его часто путали с тезкой-предателем Искаротом.

Филип поднял руки в примирительном жесте: не нужно платить, простите!

Коллега Гинек, бросив пейзажи, семенил на подмогу:

– Девочки, не шумите! Творец всегда прав...

Гинек запнулся, глянув на оброненный листок.

То, что задумывалось как шарж, реализовалось в виде ужасной скалящейся морды, и будь Филип проклят, если он помнил, как рисовал щучьи зубы в кривой щели рта.

2.2

Скорая помощь пронеслась, вереща, по направлению к Нусельскому мосту, известному также как мост Самоубийц. Более двух сотен человек прыгнули с его перил в сорокаметровую бездну, став кляксой на асфальте или потеком на камнях мелкой речушки.

Когда Корней впервые путешествовал по стране, его поезд совершил экстренную остановку – какая-то женщина сиганула под колеса. Он удивлялся: почему люди кончают с собой в благополучной Чехии?

Пожив здесь, он частично избавился от наивно-восторженных шор (как и всякое государство, *это* имело и недостатки, и уродливые стороны), но не перестал любить Прагу любовью пылкого мальчишки. Он и родился двадцать восьмого сентября – в День чешской государственности. Такое вот пророческое совпадение.

Маринка предпочитала морской отдых: валяться на пляжах, а не карабкаться по холмам с навьюченными рюкзаками. Она ныла, натерев мозоль, а Корней злился. Уже тогда холодок пробежал между ними; он заглядывал в глаза Маринки, прикрытые солнцезащитными очками, только для того, чтобы увидеть свое отражение в стеклах.

Поездка должна была укрепить разболтавшиеся отношения. Они продержались еще год, готовились к свадьбе, ругались, мирились. Разбрелись, как пресловутые корабли. Маринка вышла замуж за коллегу. Корней эмигрировал, реализовал мечту.

Жизнь продолжалась.

В офисе пахло свежим кофе.

Коля Соловьев поедал картошку-фри.

– Здоровый завтрак, шеф?

Соловьев заурчал, похлопал себя по выпирающему животу.

Они познакомились в Днепре пару лет назад. Колина жена Алиса обучала Корнея азам чешского языка. Милая интеллигентная семья, поклонники джаза и классической литературы. Очаровательная дочурка-дошкольница. Соловьевы вскоре переехали за границу, на историческую родину Алисы, но поддерживали с Корнеем связь по вайберу. Пройдя через все круги

бюрократической волокиты, Коля открыл в Праге издательство. И сразу предложил Корнею вакансию. А тот сразу согласился.

И как теперь не верить в судьбу?

Соловьев смахнул крошки с бороды, которую отрастил, войдя в возраст Христа.

– Угощайся.

– Спасибо.

Корней выудил из коробки картофельную соломку.

Офис купался в солнечных лучах. Молодое издательство состояло из двух работников. Соловьева и Туранцева.

Большую часть комнаты занимал полупромышленный принтер, способный печатать что угодно, от наклеек и визиток до книг. В его тени расположились ламинатор, переплетчик, скребосшиватель. И смахивающий на футуристическую гильотину польский резак. Корней (его профессия официально называлась grafik) в совершенстве владел программами вроде Corel Draw и Adobe Photoshop, но пользоваться типографической техникой учился с нуля.

– Ну и ночь у меня сегодня была, – сказал Соловьев. – Малая кричала во сне, перепугала нас. Потом кошмары до утра мучили. Ты снился, кстати.

– О, это действительно кошмар.

– Кошмар – что я тебя убил во сне.

– Убил? Как? За что?

– За что – неведомо. А «как» – самое интересное. Я твою голову засунул под это лезвие.

– Мило. – Корней взглянул на резак, чей нож без труда кромсал пятьсот листов ксероксной бумаги за раз. – Знаешь, – сказал он, – некоторые племена Амазонки ставят знак равенства между сном и бодрствованием. Если им приснилось, например, что сосед украл у них свинью, они могут потребовать возместить ущерб в реальности.

– Существой мы по таким правилам, мои сны привели бы нас с Алисой к разводу.

Корней улыбнулся, усаживаясь за компьютер.

– Тебе правда-правда не снятся сны? – спросил Соловьев.

– Крест даю.

С отрочества Корней думал, каково это – видеть в своей голове картинки. Летать, как птаха, разговаривать с мертвыми, даже трахаться. Он представлял, что, заснув, люди попадают в кинотеатр и следят за разворачивающимся на экранах фильмом. Конечно, он иногда завидовал человечеству, награжденному ночными грезами. Его сон был семичасовым беспамятством. Зато он был уверен, что не встретит субъектов из прошлого и во сне.

– Может, ты просто забываешь? – предположил Соловьев. – Сны снятся всем, включая слепых от рождения. Они снятся мышам и голубям!

– Рад за вас. Но мои ночи чисты от непрошенных образов. Я хочу отдыхать, а не галлюцинировать. Вчера на Надражи Вршовице какой-то наркоман терся лицом об асфальт. Само собой, он бы приснился мне, – Корней щелкнул пальцами, – не будь мой мозг защищен от мусора.

– Терся об асфальт?.. – заморгал Соловьев.

– Да, – помрачнел Корней, – разодрал себе губы в мясо. Я вызвал скорую.

– Полнолуние.

– Оно самое.

Соловьев погрузился в раздумья и через минуту сказал:

– Зря ты так. Про сны. Менделеев придумал во сне периодическую таблицу.

– Адвокат Морфея! – хмыкнул Корней.

– Да-да. Нильс Бор – модель атома, Роберт Луис Стивенсон – сюжет «Странной истории доктора Джекила». Кекум увидел структурную формулу бензола, а Бетховен с Вагнером сочи-

няли мелодии. Я про все это читал. Но я не Менделеев и не Вагнер. Моя задача... Кстати, какая у меня задача?

– Флаеры для клуба.

– Обожаю флаеры!

Корней запустил программу и занялся разработкой макета.

2.3

Парикмахерская находилась в полуподвальном помещении, и сквозь открытые двери девушки обозревали только ноги марширующих по тротуару прохожих.

Вентилятор загребал лопастями воздух. Радио транслировало хиты из постсоветских девяностых.

Желающих постричься в это солнечное августовское утро было мало. А срок оплаты аренды неумолимо приближался.

«Будем бомжевать... – вздохнула Оксана. – Просить милостыню на Вацлавской площади».

Василиса оседлала стол, чиркала наманикюренным ногтем по экрану смартфона. Улыбалась загадочно.

«Мне бы твою беззаботность!» – позавидовала Оксана.

– Ксю, – окликнула Василиса, – а твой Прохор один живет?

– Не Прохор, а Корней, – поправила Оксана, – и с какой стати он мой?

– Ксю... – Василиса накрутила локон на пальчик, – а давай ты сегодня у него переночуешь?

– Что? – Оксана уставилась на подругу. – Ты сдурела?

– А что такого? – Василиса невинно захлопала ресницами. – Это нужно мне, это нужно ему, и, главное, это нужно тебе! Ты же ржавеешь без нормального мужчины!

«Что ты знаешь о нормальных мужчинах?!» – мысленно вспыхнула Оксана, но одернула себя. Сама-то «нормальных» встречала разве что в мелодрамах.

– Даже не начинай.

– Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

– Не выдумывай! Я видела его три раза в жизни!

– Целых три раза! – Василиса театрально завалилась на столешницу. – Боже, да вам пора съезжаться.

Но Оксане было не до шуток.

– Ты не можешь выгонять меня из дому.

– Я и не выгоняю. Я прошу. Одна-единственная ночь.

Василиса крутила роман с женатым чехом, бизнесменом. Они занимались сексом в его джипе на парковке. Чех вызывал у Оксаны омерзение.

– Забудь! – отрезала Оксана, сердито перебирая спиральки бигуди. – Я буду спать в своей постели. Снимите гостиничный номер. У твоего Петра достаточно денег.

– Да хрен там... – фыркнула Василиса обреченно. – Жена его поприжала. Контролирует расходы.

– Ничем не могу помочь. У меня тоже есть принципы.

– Ну курочка моя... – Василиса – кошка с огромными просящими глазками – спрыгнула на пол, направилась к Оксане. – Ты обиделась, что ли?

Оксана резко повернулась и прыснула в подругу струей воды из распылителя.

– Ах ты! – Василиса схватила длинную кисть для окрашивания волос и, орудуя ею как шпагой, перешла в наступление. Оксана, смеясь, загородилась головой манекена.

– Мир? – спросила промокшая Василиса через минуту.

- Мир, – согласилась Оксана. Она не умела долго сердиться.
- Но тебе действительно нужен мужчина, – заявила Василиса.
- Ты опять?!
- Честно-честно. Ты разговариваешь во сне.
- Разговариваю?

– Стонешь. Ох, ох, о, я... – Василиса изобразила неприличный жест.

Оксана зарделась. Может, подруга права? Может, ей пора завести отношения и Корней – подходящий кандидат? Высокий, симпатичный, с густой каштановой шевелюрой, как ей нравится.

Они познакомились недавно. Довольно комично: Оксана, только-только переехавшая в Прагу, решила покрасоваться, напялила высокие каблуки. Выяснилось, что передвигаться по брусчатке на шпильках – то еще удовольствие. Вот эту раскоряченную цаплю-Оксану и приметил прохожий шатен.

- Вам помочь?

Оксана попыталась возмутиться, отшить парня, но каблук угодил в ямку между чертовых булыжников, и она, пошатнувшись, чудом удержала равновесие. Хвала небесам, она не отошла далеко от дома.

- Ладно, – сдалась Оксана и взяла шатена под локоть. – Вон тот подъезд.
- Живете здесь?
- Вам-то что?
- Простите... – Парень замолчал.

«Ну что я за хамка!» – устыдилась Оксана.

- Это вы простите. Да, снимаю квартиру с подругой.

– Хороший район. Я живу у вокзала, в пятнадцати минутах ходьбы.

- Как вы узнали, что я говорю по-русски?

– Пражанки предпочитают плоскую подошву. Каблуки, вы уж извините, выдают соотечественниц.

- Господи, как мне стыдно...

– Что вы. Ерунда.

Он транспортировал ее к подъезду.

- Откуда вы? – спросила Оксана.

– Днепропетровск. А вы?

- Харьков.

Он поднял руку ладонью к Оксане, и она дала ему «пять».

- Ще не вмэрла. Я – Корней.

Необычное имя было к лицу шатену. Оксану очаровала его приветливая улыбка.

- Оксана.

Она нащупала в сумочке визитку, вручила Корнею.

- Понадобится стрижка – я работаю в парикмахерской на соседней улице.

– Понадобится, – сказал Корней.

- Тогда пока.

Он заглянул через неделю. Доверил ее ножницам шелковистые и мягкие волосы. Он работал в издательстве, отлично владел чешским. А Оксана, как ни штудировала книги, знала язык на уровне профессиональных терминов и диалогов с кассиром.

Корней был старше на три года – двадцать семь. Весы, идеальная пара для Стрельца.

Предложение «куда-нибудь сходить» Оксана приняла с радостью.

Но ночевать у мужчины на первом свидании?

- Ты посмотри, – Василиса подсунула смартфон. – Наша общага.

На видео было снято общежитие колледжа. Картинка дрожала – оператор прятался за углом. По полутемному этажу носился взад-вперед студент в плавках. Он бросался на двери – из комнат звучал надрывный хохот, голоса подначивали полуголого студента бушевать сильнее. Самые смелые выглядывали в коридор – буян тут же кидался в их сторону, но двери захлопывались у его лица.

Давясь от смеха, оператор прошептал за кадром:

– Прикиньте, он спит!

Ролик назывался «Лунатик Стас наводит порядки».

– Датировано сегодняшним числом, – сказала Василиса, – думаешь, он реально во сне?

Он там попробует укусить коменданта за колено.

– Бедняга! – пожалела Оксана. Стаса, а не коменданта.

Ее бывший парень был лунатиком. Она узнала об этом, когда они съехались.

Ваня вставал с кровати ночью и ковылял в ванную. Сидел, забившись под раковину, обхватив покалеченную стопу руками. Баюкал собственную ступню, как ребенка. Затравленный, заблудившийся.

Оксана увещевала:

– Пойдем спать.

– Отбой, – скрежетал он сквозь стиснутые зубы, – вольно, отбой.

Она понимала, что он не навредит ей (спящий – не навредит, насчет прочего у нее появлялись сомнения). Но человек в ванной пугал Оксану. Его бессмысленный взгляд. Ногти, скребущие обрубок стопы.

Взор Оксаны остановился на мойке в углу парикмахерской. Она словно опасалась обнаружить Ваню, скорчившегося под раковиной. Лунатик, преодолевший две границы, две тысячи километров, чтобы найти ее и...

«Наказать», – грохнула по нервам мысль.

– Работаем! – засуетилась Василиса.

Утренний клиент спускался по ступенькам в парикмахерскую.

2.4

Район Богнице на севере Праги имеет немало достопримечательностей. Исторические барочные постройки (дом священника, приют матери и ребенка), костел двенадцатого столетия, самое длинное в Европе жилое здание, природный заповедник. Панельный конгломерат из типовых новостроек соседствует с городищем дославянской эпохи. Но главные достопримечательности района носят трагический оттенок – это хоспис Штрасбург и Богницкая психиатрическая больница.

Лечебница была открыта в начале прошлого века и функционирует до сих пор, обслуживая почти полторы тысячи пациентов.

...Филип подозревал, что закончит здесь свои дни.

Когда бессонница, подобно разгневанной птице, выключает разум.

Он миновал больничный забор, свернул на уютную, застроенную старинными двухэтажными домами улочку. Солнце клонилось к высоким речным берегам. Паутинка, предвестник осени, серебрилась в листве.

По этой дороге в нулевом году они шли с Яной. Грустный поход: под мышкой Филип держал ящик из-под апельсинов, а в ящике спал вечным сном их любимец Тото. Пес породы джек-рассел-терьер служил им верой и правдой десять лет (или они служили псу). Филип боролся со слезами, щиплющими глаза.

Сегодня он шел один.

После запруженного центра Богнице казалась вымершей. Облака плыли над краснокрышей фермой, над полями и коттеджным кооперативом. Редко-редко попадались хлопчущие дачники во дворах.

Вот и цель поездки – кирпичная ограда, ворота с крестом. Справа – кладбище домашних животных. На могилах – награды и истрепанные игрушки. Резиновые уточки и мячи сохранили отпечатки зубов тех, кто отжил свой кошачий-собачий век. Пустая клетка покачивается на ветру, цокая об ольху.

Numánek 1988–2002

Irmicka 1992–2004

Agny 1993–2003

И Тото закопан там. Под миниатюрным надгробием – фотография, изгрызенная кроссовка, плюшевый Винни Пух.

Но сегодня Филипа интересовал не покойный пес, а ворота впереди.

Он отворил калитку и очутился на территории больничного кладбища.

Земля, ограда, деревья – все поросло ползущим кустарником с мелкими треугольными листочками. Тропу покрывал толстый слой бурой листвы, словно пятипалые ладошки, спрессованные вечным увяданием, словно размокшие от слез письма с печальными новостями. Наверное, они копились не один год, образуя ковровую дорожку, высланную для самого невеселого приема.

Здесь давно не хоронили; могилы едва угадывались под зеленью. Просто кочки, легкие волны между кленами. Лишь горстку могил до сих пор венчали надгробия. Ливни соскоблили с плит имена и даты. Разгладили камень.

Больничное кладбище служило местом упокоения самоубийцам и сумасшедшим. И детям сумасшедших, родившимся в психбольнице. После войны сюда свозили и трупы казненных полицаев – чтобы коллаборационисты не лежали рядом со своими жертвами на обычных погостах.

Пражане, доведенные до отчаяния и выбравшие смерть. Петлю, бритву, пистолет или холодные воды. Тысячи разных судеб с похожим финалом.

Филип частенько приходил сюда в последнее время. Гулял у надгробий, придумывая биографии местным жителям. Этот наложил на себя руки под гнетом долгов. Тот предпочел пулю, защищая поруганную честь. А еле заметная кочка у ворот – несчастная любовь.

Тело Яны, согласно завещанию, сожгли в крематории. Адский огонь слизал лицо. Шипел жир, прогорали кости.

Пепел развеяли над Влтавой безоблачным утром.

Яна. Яна. Яна.

Двадцать пятого августа две тысячи девятого Яна предложила устроить пикник. Покормить лебедей, как раньше.

Они много лет не бывали на Стрелецком острове – город изменился, наводнился гостями, пражане фыркали от одного упоминания о туристических зонах. Еще в начале нулевых ситуация была иной – бывшие страны Варшавского блока ассоциировались у западных европейцев с замшелым социализмом. Настоящие толпы наводнили Чехию позже, оттеснив коренных жителей к окраинам. Ленивые жопы построили лифт, чтобы съезжать на остров прямо с моста Легии.

– Ты уверена? – спросил Филип. – Тебя же мутило вчера.

– Это из-за судака, – ответила Яна, – теперь я чувствую себя отлично.

Бледность ее щек говорила об обратном, но он сдался. Он всегда ретировался под напором невинной улыбки Яны.

Чайки парили над рекой. Утки дрались за хлебные крошки. Лебеди ныряли, выставляя на обозрение толстые зады. Один пернатый нахал укусил Филипа за голень.

Они ели сыр и пили моравское вино. Он давал ей губами упругие виноградины. Яна пахла июлем, будто впитала в себя за лето солнечные лучи, зарядилась, будто батарейка, и заряжала его.

– Помнишь день, когда нам было хорошо?

Семейная шутка, означающая «каждый день из прожитых».

– Что-то припоминаю.

У обочины тропки чернела прямоугольная дыра – вероятно, раскупоренный склеп. Листва вокруг покрылась каплями влаги и белесой плесенью. В скважине только мусор. Сучья, бутылки из-под «Браника». Кладбище по понятным причинам манило сатанистов. Как-то Филип обнаружил тут огарки черных свечей и долго стирал с неизвестного надгробия намалеванную пентаграмму.

Мертвая опаль чмокала под ногами, подошвы выдавливали серую водицу. Но по бокам от колеи зеленели поляны, устланные стеблями. Плющ цеплялся придаточными корнями за стволы, облачал деревья в коконы. Каждая ольха, каждый клен оделись в плющевое рубище. То, что издали казалось гнездами в кронах, было болезнью, ведьмиными метлами, образованием бесплодных побегов, проклюнувшихся из спящих почек.

Тропинка текла к руинам часовни.

Днем Филипу почти удалось заснуть. В приятной дреме он пробыл двадцать минут. Птица-бессонница вцепилась когтями и выволокла обратно. Больше он не смыкал глаз.

Собственная бодрость тревожила.

Часовня торчала треугольным фронтоном в сереющее небо. Рыжий кирпич отторгнул штукатурку. Крыша исчезла, часовня подставила дождям разграбленное нутро. Внутри на замшелом алтаре стояли современные пластиковые лампадки. И что-то новенькое – фотоаппарат на треноге.

Филип поискал в запаутиненных окнах фотографа. Кто же так бросает дорогую технику?

На кладбище властвовала тишина; ни щебетания птиц, ни жужжания насекомых. Лишь шуршали ветви и шевелились растительные скальпы надгробий.

Бросив на штатив недоуменный взгляд, Филип начал обходить часовню.

...После пикника они занимались любовью. Они прожили вместе больше семи тысяч дней и в первые годы супружества упивались сексом по три раза за ночь. Но и после сорока пыл не угас.

Яна скользила влажными ягодицами по его бедрам, внимательно смотрела в его глаза, будто запоминала.

– Что такое? – спросил он, убирая рыжую прядь с ее лица.

– Ничего. – Она опустила веки и задвигалась быстрее.

Ее фигура была превосходной. Маленькие груди, не знавшие молока, впалый живот, октябрьское пламя волос на лобке. Разве что кожа истончилась, да еще руки выдавали возраст.

По пути к ванной она застыла. Голая желанная сорокашестилетняя женщина.

– Я люблю тебя, – сказала она.

– А я – люблю тебя.

– Я очень тебя люблю, – улыбнулась она с грустью и благодарностью.

Он уснул крепким здоровым сном удовлетворенного мужчины.

В следующий раз он увидел ее в морге, лежащую на металлическом столе.

«Мой мальчик, – обращалась Яна к нему в предсмертной записке. – Ты поймешь меня, ты меня всегда понимал».

В горле запершило.

Справедливо ли это – отнять у него самое ценное? Землю топтало столько недостойных жизни тупиц, преступников, негодяев. Восьмидесятилетний отец Филипа выкуривал по пачке «Спарты» в день, поносил евреев и голосовал за «Социальную справедливость»¹.

Яна утнула багровым в горячую пенную воду. Стала прахом и полетела над мысом Замке.

Никто не прижмется к нему, не прошепчет на ухо: «Мой мальчик...»

За часовой погост заканчивался. Поскрипывало над приямком ржавое колесико. Некогда на нем крепилась лебедка, приспособленная, чтобы доставать из подвала тяжести. Нынче подвал часовни был забит гнилыми досками.

Кладбищенские сумерки сгушались. Тени плыли по руинам: силуэты деревьев, человека, опять деревьев.

Филип оглянулся.

Приземистый парень вышел из-за кустов. В лохматых светлых волосах застрял гербарий. Белая куртка изгвадалась в грязи.

Пустые тусклые глаза уставились на Филипа. Зрачки расширены. Лоб в испарине.

– Ох, – сказал Филип, – вы меня...

Блондин перебил его ударом. Осклизлая коряга хлопнула Филипа по плечу, оставила на рукаве мокрый след.

– Ты чего?! – опешил Филип.

Последний раз он дрался на митинге в восемьдесят девятом.

Блондин (лицо вялое и непроницаемое, зрачки отражают вечерний свет) махнул двухметровой дубинкой. Ветка шикнула в воздухе.

– Перестань! – потребовал Филип.

Мысли скакали галопом.

Грабитель? Но это размахивание палкой совсем не походило на ограбление. Сумасшедший? Пациент больницы с обострением? Видимо, так.

– Послушай, парень...

Блондин сделал выпад.

Коряга стукнула по локтю. Сучок впился в кожу, Филип скривился от боли.

– Лепси... – беззлобно проговорил безумец. – Лепсия...

Дубинка рисовала дугу.

Блондин ковылял к Филипу. По его брюкам растекалось темное пятно.

Филип отпрыгнул, едва не сверзился в подвал часовни. Схватился за металлический остов, предназначавшийся для лебедки. Коряга промелькнула у виска.

«Да что с тобой, парень?»

– Я не заразен, – сказал блондин. Сжал палку как копье и прицелился.

Филип оттолкнулся, побежал. Ноги путались в плюще, корни оплетали ноги. Но останавливаться, драться с больным парнем он не намеревался.

«А что, если псих напал на фотографа и оглушил его?»

Следовало позвонить в полицию, хотя бы вызвать неотложку.

У ворот Филип сбавил шаг.

Парень был далеко: немо грозил своей палкой лишайнику, паукам в руинах.

– У меня и без тебя достаточно проблем, – сплюнул Филип.

И заторопился домой, надеясь успеть выйти к людям до темноты.

¹ Рабочая партия социальной справедливости (чеш. Dělnická strana sociální spravedlnosti, DSSS) – ультраправая националистическая партия в Чехии.

2.5

Фуникулер деловито взбирался на Петршинский холм.

Заходящее солнце золотило самую известную гору Праги. Здесь, согласно легенде, княгиня Либуше предсказала рождение города. Язычники поклонялись тут идолу Перуна, а Марина Цветаева написала:

Та гора была, как грудь
Рекрута, снарядом сваленного.
Та гора хотела губ
Девственных, обряда свадебного.

– Ты знаешь о Праге больше, чем гиды. Не пробовал подрабатывать?

– Да я так, – поскромничал польщенный Корней, – путеводители читал.

Пара зеленых вагончиков пересеклась на расходящейся колее. Туристы щелкали зеркалками.

Цветаева опасалась: «Нашу гору застроят дачами, – // Палисадниками стеснят». Но наверху мамочки катили коляски, вольный ветер трепал кроны яблонь и груш. В ресторанах пенилось «Крушовице», аромат колбас и запеченного гермелина дразнил рецепторы.

– Ты бывал во многих странах? – спросила Оксана.

– Не очень. В Египте пару раз...

– Кто не был в Египте!

– В Германии, Австрии. Но нигде я не чувствовал себя так комфортно, как тут.

– Наверное, я пока не привыкла.

– Тянет на родину?

– Ужасно.

– Меня тоже, – признался Корней. – Иногда после тяжелого дня думаю все бросить, дома легче же. Но потом общаюсь с людьми, работаю...

– Мне общения не хватает. Мой чешский *je dost patny*. Но я учу.

– Могу тебя подтянуть. Хотя и я с каждым днем понимаю, насколько скуден мой словарь.

Они болтали, как старые знакомые, гуляя по аллеям розария. Усыпанные красными бутонами лозы оплели шпалеры, украсили крепостную стену. Каменный космонавт дежурил у Штефаниковой обсерватории. Ярусом ниже лежали готовые декорации к фильму о галантной эпохе: резные лавочки, клумбы, локации для светских дам с веерами, кавалеров в чулках и париках.

– А знаешь, чего мне еще не хватает? – разоткровенничалась Оксана.

– Туфель на шпильках?

Она пихнула его кулачком в бок:

– Обещал не вспоминать!

– Извини. Так чего?

– Уличных котов. Я подкармливала всех блохастых дворняг на районе.

– Да. Ни котов, ни псов. Зато можно кормить бобров и ондатр.

– Адекватная замена.

Они нырнули под арку из роз.

– Облаков нет. – Корней кивнул на обсерваторию. – Полюбуюсь Луной?

– Давай.

Спутник Земли в телескопе походил на светящийся изнутри шар. Потрескавшийся шар из запачканного минерала. Моря без воды, но с красивыми именами. В девятнадцатом веке

шутник-астроном клялся, что видел на поверхности Луны единорогов. Было что-то неудобное в ее каменной бездушной поверхности, кратерах, бороздах, пятнах, искрах, серебристой паутине на округлом боку.

«Будто череп в небе», – подумал Корней.

Он отлип от окуляра и теперь исподтишка рассматривал Оксану. Волосы цвета вороньего крыла острижены у плеч, черты лица резкие, но притягивают взор. Эти четкие линии скул, росчерки бровей, впадинка между крупным с горбинкой носом и пухлыми губами. Худышка, но грудь крупная, аппетитно вырисовывающаяся под цветастым платьем.

Оксана была полной противоположностью Маринке с ее глянцево-фарфоровой внешностью телезвезды.

– Как там пусто... – Оксана поежилась, отворачиваясь от телескопа. Перехватила взгляд Корнея. Светло-карие радужки запомнились ему при первой же встрече. – Не понимаю, как можно хотеть стать космонавтом. В космосе так страшно и одиноко.

– Я хотел. Все мальчики хотят. Но позже решил быть писателем.

– Ты писал рассказы?

– Несколько. Один даже на конкурсе победил.

– Ого. Ты старомодный. Нынешние мальчики грезят о карьере хип-хоп-артистов.

– Ненавижу хип-хоп.

– Я тоже!

Они снова вышли в сад. Вскарбкались на вершину Петршинской башни.

Прага раскинулась у подножья холма.

Та гора была – миры!

Бог за мир взывает дорого!

Горе началось с горы.

Та гора была над городом.

– Изумительно... – прошептала Оксана.

– О да.

Вокруг, насколько хватало глаз, разбегались черепичные крыши, как слои на торте. Надувались зеленые купола, вздымались темные готические шпили.

– Карлов мост, – сориентировал Корней. – Собор Святого Вита.

Исторический центр образовывал черно-рыжее пятно радиусом полтора километра, его распиливала надвое река. Сердцевина обросла застройками девятнадцатого века. Двадцатый нарастил свои кольца. Древние пригороды и крепости утонули в сером хаосе новостроек-комбблоков. Неуместные небоскребы блестели стеклом и металлом на горизонте.

Корнея манили чердаки: оконца под скатами красных крыш. Что они прячут? Пыль и пауков? Или пленительные сказки старого града, шепот эпох?

Он читал захлеб о мистических тайнах Праги. Об ее алхимиках, големах, русалках, замурованных туннелях.

Ночами на Лоретанской площади скрипела ободьями дьявольская карета детоубийцы Дагмары. Площадь Республики оглашала пьяная ругань голландского пирата. Призрак монахини стонал в монастыре Святой Анежки.

Вдохновенному Корнею хотелось поделиться всеми этими байками с Оксаной. Заразить ее своей любовью.

– Я выучу язык, – серьезно сказала девушка будто бы самой себе. – Разбогатею и найму тебя в репетиторы.

– Разбогатеи, конечно. Но для тебя мои уроки бесплатны.

Спускаясь с башни, они держались за руки. Корней успел позабыть, как просто это бывает: падать в отношения, как в аромат августовских яблонь.

– Ты в детстве воровал яблоки?

– Тоннами!

На террасе ресторана играли гитарист и скрипач. Паук устроил логово в конусе лампы. Темнота ползла из тесных проулков вниз, из погребов и чуланов. Вечерняя Прага зажигала огни.

Они ели запеченную утку и пили сваренное монахами пиво. Говорил в основном Корней. Проматывал биографию в обратном порядке: эмиграция, чехарда со сменой профессий на родине (он побывал почтальоном, верстал сайты, ремонтировал кондиционеры), студенчество...

В университете он слыл молчуном, но при Оксане удивительно легко раскрывался. Слова лились потоком. Она же внимательно слушала, поглаживая бокал.

– Ты упомянул интернат, – заметила Оксана. – Твои родители...

– Нет-нет, они живы. По крайней мере, мама. Папа бросил нас, когда я ходил в садик. Это был не сиротский приют. Просто школа, в которой мы жили с понедельника по пятницу. Достаточно жесткая школа.

– Было трудно?

– Пришлось приспособиться. Я рос книжным мальчиком. В интернате таких недолюбливали. Некоторые ребята преподали мне урок выживания.

– Но почему интернат?

Он посмотрел на черепичные складки за перилами.

– Мама налаживала личную жизнь. Она частенько ошибалась в мужчинах. Не всем отчимам я приходился по душе.

– Вы общаетесь сейчас? С мамой?

– Периодически созваниваемся. Я рад, что она заново сошлась со вторым своим кавалером. Он неплохой человек.

– Мне кажется, *ты* – неплохой человек. – Оксана склонила набок голову. – Но я тоже постоянно ошибаюсь в мужчинах. В чем загвоздка?

– Загвоздка?

– Да. Никак не удастся нащупать. Ты симпатичный, умный, добрый, ты – трудяга. Где же подводные камни? Не знаю... Жена в Днепре? Дети?

– Ни жены, ни детей.

– Боже! – Она закрыла ладонью рот в притворном шоке. – Ты... идеал!

– Не буду спорить, – засмеялся Корней.

– Но, без шуток, – Оксана провела ногтем по ободку бокала, – мне давно не было так спокойно с парнем.

Его сердце забило быстрее.

– Я разучился ходить на свидания.

– Аналогично.

– Только не ты, – усомнился Корней, – уверен, у тебя нет отбоя от поклонников.

– О'кей, я пользуюсь определенной популярностью среди турок и интернет-эксгибиционистов. Но практика оставляет желать лучшего. Мне двадцать пять, и пять лет я встречалась с одним парнем.

– Это долго.

– Чересчур.

– Давно расстались?

– Как поглядеть. Может, зимой. Может, *прошлой* зимой.

Корнею показалось, что ей неприятно вспоминать бывшего.

– По сути, я сбежала от него сюда.

– Он тебя... обижал?

– Физически – нет. Больше морально. Ваня был трудным человеком. Помешан на чистоте. Аккуратен до омерзения. Нет, я сама чистолюбна, но его поведение в быту граничило с ненормальностью. Он выдумал свод правил. Как мыть полы. Как стирать одежду. Я чувствовала себя в плену. В натуральной клетке. А хуже всего, что мании стали передаваться мне. Как и он, я вскакивала ночью, чтобы проверить замки, даже зная, что они заперты.

– Синдром навязчивых состояний, – сказал Корней.

– Вот-вот. В прошлом году он уехал на заработки, и первое, что я сделала, – разбросала по комнатам вещи, скомкала его драгоценные гардины, высыпала на пол землю из цветочного горшка. Он бы лопнул от ярости.

– Прости за вопрос... – Корней был озадачен. – Но ты такая эффектная, сексуальная девушка. Зачем ты это терпела?

– Спасибо за комплимент. Что ж...

– Не отвечай, если не хочешь.

– Хочу. – Она отхлебнула пива. – Как я и говорила, мне было двадцать – безмозглая девчонка. Ваню я знала с детства. Он жил по соседству. Такой тихий замкнутый мальчик. В четырнадцатом его призвали в армию, отправили на восток. Он вернулся через месяц – наступил на мину. Ему ампутировали половину ступни. И как-то случайно мы разговорились в лифте. Слово за слово, он пригласил меня в кино. Я пошла... из жалости, думаю. И вскоре мы уже вместе снимали квартиру. – Оксана улыбнулась: что было, то было. – Он не тянул резину – сразу вывалил на меня все свои бзики. Расскажи я родителям, они бы забрали меня домой. Но я привязалась к нему. Считала, что обязана его опекать.

Нет, у нас были нормальные дни. Но все, что я вижу, оборачиваясь, – как я драю чертов пол, а он стоит надо мной, катает в пальцах свинцовые шарики, и они так ужасно дребезжат...

На террасе благоухали розы, но Корней словно унюхал аромат стирального порошка, узрел себя, десятилетнего, трущего белье о ребристую доску. За спиной маячит отчим, он пахнет одеколоном и перегаром.

– Старайся, пацан. Старайся, чтобы я видел.

«Милая, – подумал Корней, – мы с тобой похожи».

– А потом, – продолжала Оксана, – он уехал в Польшу. На год, и это был потрясающий год. Будто с моей шеи сняли ярмо. Я гуляла, читала, общалась с новыми людьми. Записалась на десяток курсов. И поняла, что не смогу жить, как раньше. И еще поняла, что совсем его не люблю.

– Как он принял твое решение?

– Плохо. Скандалил, угрожал. Он ведь купил обручальное кольцо на заработанные деньги. Но мой запас жалости иссяк. И вот я здесь.

Корней поднял бокал:

– За «здесь».

– Ура.

Они чокнулись. Оксана сказала, прищурившись:

– Я рада, что в тот день надела каблуки.

2.6

Парня на кладбище самоубийц звали Иржи. Он был фотографом. Иржи страдал от болезни, описанной невропатологами Вестфалем и Желино: нарколепсии. В школе его прозвали Спящей Красавицей. За день парень неудержимо засыпал около тридцати раз. Прогуливаясь по парку, обедая, занимаясь спортом – он вдруг цепенел. Раздражителем становился

любой монотонный звук: бой часов, шорох листвы, урчание мотора. Из-за нарколепсии Иржи не водил автомобиль, не плавал, не катался на велосипеде. У него не было подружки; девушки улепетывали со свидания, на котором их ухажер вырубался с непрожеванным мороженым во рту.

Настоящая напасть.

На улице Иржи очухивался быстро – врезавшись в столб или пешехода. Но, заснув дома, он дрых часами и частенько опаздывал в офис. Пришлось уволиться и работать на себя, фотографировать для сайтов и журналов.

Его мучили гипнагогические кошмары. В момент засыпания (обычного, «горизонтального», как он это называл) Иржи видел старуху с огромными ржавыми ножницами, она щелкала лезвиями, подбираясь все ближе, и хохотала.

Проснувшись, он несколько секунд не мог ни шевелиться, ни разговаривать.

На кладбище Иржи выключился.

Перед приступом он примерялся к могильным плитам сквозь видеоискатель, сквозь оконца часовни. Старуха вылезала из подвала, в рубище, с дьявольскими ножницами в клешне. «Стоп, стоп, стоп...» – подумал Иржи.

Уснул.

И больше не просыпался.

...Прага цепенела, опоенная темнотой. Здания в стиле модерн, готика, неоренессанс, кубизм, конструктивизм, баухаус и прочее, и прочее стали шкатулками, а внутри ворочались и шептались плененные странным сном люди.

На тесно застроенных площадях, у Староместской башни, где прежде выставляли отсеченные головы преступников, в винных погребах пробуждались тени.

У костела Святого Креста и православной церкви Успения Пресвятой Богородицы рыскали тени.

Тени кишели в катакомбах под тем местом, где раньше возвышался тридцатиметровый Сталин, а теперь тикал красно-черный метроном – «кивадло».

Что-то проступало во мраке. Так под более поздними наслоениями порой проступает романская кладка.

Иржи посетил дачный поселок, перелез через забор, подобрал оброненную сапку и постучал в дверь.

Он улыбался. И крепко спал.

2.7

«Черт! – мысленно воскликнула Оксана. – Что я творю?»

Ночью, голая, в квартире едва знакомого мужчины. Пусть Корней ей и понравился (очень понравился!), но на первом свидании? За кого он ее примет?

Голова слегка кружилась от выпитого вина.

«К тому же пьяная», – осудила себя Оксана.

Переступила через бортик ванной, встала на холодный чугун. Струи ударили из душевой решетки по плечам, по груди.

Свидание прошло идеально. Ужин на террасе Петршина, обратная дорога через подсвеченный мост Легии и Народный театр. Та Прага, которую она практически не видела, корпя в парикмахерской. С садами, соборами, солдатами Швейками на вывесках господ² (она купила томик Гашека перед отъездом, но так и не открыла). Корней – обходительный, проницательный, откровенный.

² Традиционное название ресторанов в Чехии.

Ему хотелось довериться. И это немного пугало.

За лето Оксана решила, что ей надо научиться быть одной. Повременить с отношениями.

В трамвае эсэмэски бомбардировали телефон. Василиса молила: «Еще пару часов! Я буду твоей должницей до конца жизни».

Придется посидеть на детской площадке, пока подруга резвится с женатиком.

Трамвай высадил у вокзала. Ветерок играл в волосах. Фонари освещали безлюдные скверы. Корней давай вводный урок:

– В русском языке – шесть падежей, а в украинском и чешском – семь. Пятый падеж – это вокатив, падеж звательный. В русском сохранились его отголоски: «отче», «старче». Твое имя склоняется на чешском, так же, как и у нас – «Оксано́». А «Корней» заканчивается на «й», и по чешским правилам грамматики «й» считается мягкой шипящей буквой. После нее идет «и», получается «Корнейи».

– Как же сложно.

– Не сложнее, чем иностранцам учить русский.

– Я торможу на местоимениях «мой», «моя», «мое».

– «Мой» будет «муй», а «моя» и «мое» одинаково – «мбе»...

Оксана готова была провести с ним пару часов. И не ради Василисы.

– Знакомься: Бабушка Догма.

– Кто?

Он окинул жестом бродяжку, спящую на лавке у поликлиники.

– Я ее так прозвал. Главная достопримечательность улицы.

– Ты всем клички придумываешь?

– Каюсь.

– А мне придумал?

– Ш...

– Что?!

– Шпи...

– Ах ты ж! – Она ущипнула его за плечо.

– ...лька! Ай-ай-ай!

– Достал с этими шпильками!

Бомжиха проснулась, заворчала, подгребая под себя пакеты.

– Ну вот, разбудили Бабушку Догму. Кстати, здесь я живу.

«А совпадение ли, – подумала Оксана, – что ты, жук, повел меня мимо своего дома?»

– Улица Украинская? Серьезно?

– Я не выбирал!

«Хорошо, – послала Оксана телепатический сигнал, – пригласи меня в гости. Это лучше, чем торчать у песочницы одной».

Поразительно, он услышал ее.

– В холодильнике есть вино.

– Что за намеки?

– Просто... если честно, не хочется расставаться.

Она посмотрела в его глаза-хамелеоны, зеленые или голубые в зависимости от освещения; сейчас – зеленые. И растаяла.

– Чешское вино? – скривилась она.

– Испанское! Дешевое, но вкусное. Шеф подогнал. Можно откупорить и пить на скамейке.

– Возле бабушки... как ее?

– Догмы. Она подвинется. Или прогуляемся в Гавличковы сады.

– Я замерзла, – призналась Оксана. Помешкала, изучая дом. – Я снимаю квартиру вдвоем с подружкой, Василисой. В данный момент она кувыркается со своим любовником. И меня не ждет. Так что я принимаю твое приглашение.

– Хочешь – ночуй у меня. Я лягу на диване.

– Ты это брось! – строго сказала Оксана. – Полчаса, и я пойду.

Полчаса растянулись на три. Вино закончилось, они пили вишневый сок и грызли кедровые орехи. Болтали обо всем, от фильмов до детских страхов. В половине первого она встрепенулась:

– Как поздно, блин!

А Корней повторно предложил ночлег.

– Мало ли кто шатается по улицам в такое время.

– Мы не на Салтовке³, хитрец.

– И все же. Я лягу на диване, кровать – твоя.

Она заколебалась:

– Без всяких?..

– Слово чести.

Как просто оказалось ее уговорить!

«Отлично ты себя зарекомендовываешь...» – вздохнула Оксана.

Горячие струи массировали утомившееся за день тело. Она намыливалась, мечтательно улыбаясь.

И услышала сквозь шум воды металлическое цоканье – так шарики в беспокойных руках стучат друг о друга и шуршат.

Оксана крутнулась на скользкой эмали.

Ваня стоял позади нее, перебирая свинцовые мячи, свои игрушки. Душевая занавеска фильтровала свет лампочки, отчего лицо Вани отливало синевой. Остекленевшие буркала сверлили девушку. Рот был приоткрыт.

– Шлюха.

– Тебя здесь нет... – прошептала Оксана.

– Грязная шлюха.

– Тебя нет!

Она зажмурилась, посчитала до пяти. Снова открыла глаза. Мираж исчез. По кафелю текли крупные капли. Прошрое не в первый раз прорывалось сквозь возведенные стены крепости – являлось яркими образами, почти галлюцинациями.

«Нервы, – подумала Оксана, отплевываясь от воды, – нервы и алкоголь».

Она вытерлась насухо вафельным полотенцем. Осмотрела себя в зеркале. Приподняла груди, втянула живот, повертелась.

«А что? Весьма и весьма. Я достойна встречаться с нормальным мужчиной, а не психом, страдающим от военного синдрома».

Она выдавила на палец завиток мятной пасты, почистила зубы. Надела предоставленную Корнеем футболку. Подол достигал колен. Вполне скромно.

Корней уже лег на диван и выключил люстру. В темноте мерцал его мобильник и мигала гирлянда, оторачивающая дверцы гардероба. Оксана прошлепала к кровати, быстро нырнула под одеяло.

– Спокойной ночи.

– Добрых снов, – сказал он с другого конца комнаты.

Дисплей телефона погас. Она ждала, что Корней заговорит еще, но он лишь скрипнул диванными пружинами, устраиваясь поудобнее.

³ Салтовка – жилой массив и крупный район на северо-востоке Харькова.

«Так много места!» – Оксана раскинулась, измеряя ширину кровати.

Прислушалась к тишине. Спать на чужой постели было непривычно, но и койка в съемной каморе казалась ей чужой.

«Порядочный», – поставила она галочку.

«Заботливый», – добавила, различив графин с водой у кровати.

Она перевернулась, подсунула ладони под затылок. Лампочки сияли, вмонтированные в шкаф. На дверцах была запечатлена мощенная булыжником улица. Старинные дома, запертые ставни. Камни темнели от влаги.

Оксана рассматривала фотопечать слипающимися глазами.

Что сказал бы Ваня, узнай, что она ночует под одной крышей с мужчиной? Злился бы? Вся его злость, вся ревность заключались в том, чтобы оцепенеть и раскачиваться, привстав на цыпочки, как долбаный маятник. Лишь когда речь шла о запачканной скатерти или крупице пыли, он выходил из себя и плевался слюной.

Оксана зевнула.

В квартире пахло озоном.

Тук-тук-тук.

Кто-то шагал по булыжной улице, вниз, в реальный мир: долговязый силуэт появился меж зданий на дверцах гардероба. Его тень выпала из фотографии, будто извивающийся язык чудовища.

Человек приосанился и прыгнул в комнату.

Снаружи (2): Мадрид

Кеннет Солт, тридцати семи лет от роду, был пьян. Не мертвецки, но достаточно, чтобы ронять путеводитель и, фотографируя конную статую, обрезать Филиппу Пятому голову.

Иберийские владыки разбрелись по скверу, поджали известняковые губы. Эта земля хранила память о дивных вещах, таких, например, как страшный пожар, уничтоживший королевский дворец. Здесь выступал перед фалангистами и простыми смертными каудильо Франко, здесь пел великий кастрат Фаринелли. Земля выкинет из памяти Кеннета Солта с его аляповатой рубашкой и самодовольной белозубой ухмылкой.

А Солт икал и ощущал какую-то щемящую преданность монархии.

Еще бокальчик вина. Не помешает.

Достаточно налюбовавшись красотами Пласа-де-Ориенте, он решил отправляться на покой.

Вечер перетек в ночь. Необычайно яркая луна вошла над Мадридом.

Солт пружинисто шагал, напевая немудреную мелодию.

Белые такси припарковались у летнего кафе на Аррьета. Солт ввалился в салон «тойоты», случайно пихнул водителя локтем.

– Saludo! Como estas?⁴ Пасио дель Прадо, por favor⁵.

Загудел мотор, машина тронулась с места.

Загорелый таксист вежливо улыбался пассажиру.

– Америка! – Солт хлопнул себя по груди. – Сан-Франциско!

– О, – сказал таксист.

– Его основали испанцы. Так что я, считай, тоже испанец.

– Да, – кивнул таксист.

⁴ Привет! Как дела? (Исп.).

⁵ Пожалуйста (исп.).

– Я впервые в вашей стране, си? Ме encanta... мне нравится ваша архитектура. И перевернутый вопросительный знак.

Водитель кивал.

– Я был на Гран-Виа, си? И в картинной галерее. Я хотел увидеть Дали, си?

Не найдя в глазах таксиста понимания, он повысил голос:

– Дали, художник!

– О, Сальвадор Дали!

– Да! – обрадовался Солт. – Гений!

Таксист не был разговорчив, и пыл американца угас. Он замолчал, глядя на проносящиеся за окнами фонтаны. В желудке плескалось вино. Он снова икнул. Голова опустилась. Отяжелели веки.

Солту приснилась голая женщина, лежащая на камнях. Огромный гранат, из которого выныривала рыба. Два свирепых тигра статично замерли в воздухе, а на горизонте окаменел монументальный слон с длинными и тонкими лапами.

Солт приблизился к женщине. Он посредственно разбирался в искусстве, но признал Галу, музу Дали. Тени тигров перечеркнули женское тело. Гранат поменьше висел в воздухе. Словно мир поставили на паузу, заморозили.

Солт поднял телефон и сфотографировал Галу. Пчела пролетела возле его уха. В абсолютной тишине жужжание показалось громким, как шум вертолетных лопастей.

Гала открыла глаза – золотистый песок заструился из-под нижних век, по вискам.

– Песочный человек здесь, – сообщила Гала.

Спящий Солт вцепился в лицо таксиста. В щеки, в горло. Скрюченные пальцы остервенело царапали кожу. Голова пассажира болталась из стороны в сторону. Таксист отбивался, крича.

– Ж-ж-ж, – сказал Солт.

Указательный палец угодил таксисту в глаз. Ноготь прошелся по зрачку. Машина вильнула, прибавляя скорость. Это Солт, перекинув ногу через коробку передач, утопил педаль газа.

Автомобили сигналили, уворачиваясь от свихнувшейся «тойоты».

Внутри сюрреалистического пейзажа Солт засмеялся.

Потерявшее управление такси врезалось в столб напротив Ботанического сада. Капот смялся. Растрескавшийся лобовик вывалился на тротуар.

Позвоночник Кеннета Солта хрустнул, и сны закончились. Слюна текла по его подбородку. Остекленевшие глаза таращились вверх, туда, где за завесой дыма светила луна.

До полнолуния оставался один день.

2.8

Корней слепо пошарил по постели, пытаясь понять, что вырвало его из блаженного забытья. Слабого свечения притороченных к шкафу лампочек не хватало, чтобы различить источник звука, но в комнате что-то определенно шуршало. Мотылек, залетевший в форточку? Или небрежно брошенный на пол пакет расправлял свои целлофановые стенки?

«Оксана... – сонно вспомнил он. – Наверное, встала в туалет».

Он нашарил телефон, воздел перед собой, надавил на кнопку.

Дисплей озарил желтоватым светом лицо с темными провалами глазниц. От неожиданности Корней клацнул челюстью.

– Оксан?..

Девушка нависала над Корнеем. Секунда – и она опустилась коленями на матрас. Словно из фильма вырезали кадры и кустарно смонтировали видео. Вот она стоит у дивана. Вот она уже в постели, на четвереньках.

Сонливость как рукой сняло.

Корней выпрямился.

Оксана молчала. Черные пряди зашторили лицо. Ровное глубокое дыхание долетало до ушей Корнея, он чувствовал запах шампуня, запах волос.

«Что за игры ты затеяла?»

Шок сменился волнением; Оксана отдернула одеяло, ее ногти требовательно царапнули ногу Корнея.

Происходящее нравилось и не нравилось ему одновременно.

Нравилась аромат и близость женского тела.

А тишина и напор Оксаны... всерьез тревожили.

– Может, ляжешь рядом со мной?

Зажатый в руке телефон освещал фигуру девушки. Она села на постель. Подол футболки задрался, демонстрируя клинышек красных кружевных трусиков.

Ноготь прочертил линию по ляжке Корнея, от колена до убедительного холмика на плавках. Игра завела его.

Просто истосковавшаяся по ласке девушка в чужой стране. Секс без обязательств. Им обоим это нужно.

– Иди ко мне... – Он потянулся вперед.

Убрал душистые волосы, чтобы освободить путь к припухшим губам. Заглянул в остеклевшие глаза. Из-за расширившихся зрачков они казались полностью черными.

Подозрение шевельнулось ощетинившимся ежом.

Корней отклонился. Пальчики Оксаны сжали его промежность, настойчиво помассировали.

– Клювы, – сказала она не своим, хрипловатым голосом, – птенцы в гнездах.

Оксана спала. Что не мешало ей поглаживать гениталии Корнея.

Он встречал лунатиков. Каждый пятый воспитанник интерната бродил во сне. Корней подозревал: это потому, что ученики постоянно находятся в социуме и лишены необходимого подросткам уединения. Мальчики вставали среди ночи и прогуливались по коридорам. Их подбирали у столовой или возле библиотеки.

Одутловатые лица, расширенные зрачки.

Гостя Корнея оказалась сомнамбулой.

– Покорми птенцов, – сказала она, стискивая пенис сквозь ткань. Эрекция никуда не пропала. Но эротическое наваждение сгнуло. Корней аккуратно снял ее руку со своих плавков.

– Все в порядке, – произнес он. – Ты спишь.

– Сплю.

– Птенцы покормлены.

– О... – Она повертела головой, будто искала те самые гнезда из сна. Качнулся полог волос.

– Пошли, я отведу тебя в кровать.

Она больше не пыталась его соблазнить. Плечи опали, Оксана послушно последовала через комнату.

«Вот и подводные камни», – подумал он.

Мозг Оксаны пребывал в мире грез. Своенравное тело приняло горизонтальное положение.

– Ты меня испугала, возбудила и удивила, – сказал Корней. Оксана всхрапнула. – И тебе сладких снов.

Он укрыл ее одеялом. Постоял, убеждаясь, что она не намеревается путешествовать. Веки Оксаны смежились. Грудь мерно вздымалась. С разметавшимися по наволочке волосами она походила на пятнадцатилетнюю девчонку.

Корней решил не смущать Оксану, не посвящать ее утром в детали ночного приключения. Пускай история маленького суккуба останется его тайной. А любовью – Корней на это надеялся – они займутся позже и наяву.

Лежа в постели, он наблюдал за Оксаной, пока сон не сморил и улыбка не завяла на его губах.

3.1

Кто-то сидел у Филипа на груди.

Он открыл глаза и попробовал отмахнуться. Тщетно: конечности не двигались. Он не чувствовал рук. Зато чувствовал тяжесть незримого камня. В голове возник четкий образ: полотно Иоганна Фюссли «Ночной кошмар». Героиня картины свесилась с постели, а ее грудную клетку оседлало чудовище, демон.

Филип замычал, напрягся. Результатом усилий были пошевелившиеся пальцы. Максимум, который он выжал из парализованного тела. Мышцы игнорировали мозговой импульс. Не предали лишь веки и глазные яблоки: он поводил взглядом по подрамникам и холстам.

Ночью он гулял по Градчанам, наблюдал за людьми, привалившись к стене Лоретанского монастыря. Дома слушал радио. Уснул на рассвете и, судя по серому мороку в студии, проспал минут тридцать. Рекорд для чертовой недели.

Филипу казалось, что он поднимает пудовую гирию. Воздух выходил со свистом из пересохших губ. Запястья оторвались от простыней. Ступни ожили, сместились вправо и влево. Между ними, в изножье кровати, Филип увидел жену.

Блуждая ночью в тени дворцов, он ощущал себя изгоем, вампиром. Монахи косились вслед, угадывая существо иной природы. Скалились собаки, дергали поводки.

Он проклят, лишен сна, вынужден скитаться в одиночестве до скончания века.

В квартире как в фамильном склепе. В кровати как в гробу. Солнечные лучи сковали плоть, а осиновый кол ужаса пробил ребра и угодил точно в сердце.

Яна парила над паркетом. Развела руки, копируя возносящихся в рай святых с картин эпохи Рафаэля. Она была обнажена. Бородка мокрых рыжих волос пылала на лобке. Соски напряглись.

Несмотря на всю гротескность происходящего, Филип возбудился. Паралич, сковавший мышцы, пощадил его мужское естество.

Очертания Яны двоились. «Изображение» рябило. Она будто плавала в воде, подкрашенной розовым, с ключьями пены на поверхности. Кудри текли вверх, создавая эффект пламени, огненного нимба.

Слеза скатилась по виску Филипа.

«Не бросай меня!» – взмолился он.

Слева, затрещав, включилось само собой радио. Фрэнк Синатра запел Fly Me to the Moon.

Под пушистыми ресницами глаза Яны серебрились. Как монеты или как две луны. Ее рот был распахнут буквой «о», изнутри лился призрачный лунный свет.

«Мы должны были бороться...»

Яна очень редко вспоминала тот период жизни, когда опухоль отняла у нее речь, способность читать и ходить. Три или четыре раза за двадцать лет брака. Ей было столько же – двадцать. Хрупкая девочка, сражающаяся с демоном по имени рак. Филип жалел об одном: что его не было рядом в те страшные дни, что он не держал за руку Яну и не дежурил у больничной койки.

Она пришла в его жизнь излечившейся, зализавшей раны прекрасной рысью.

Но рак посеял зерно. Рак вернулся – она узнала о рецидиве за неделю до смерти. Доктор прогнозировал благополучный исход.

Яна ничего не сказала мужу. Поразительно, виду не подала. Смеялась на пикнике, улыбалась мечтательно, строила планы. А настоящий план был уже окончательно сформирован в ее голове.

Она не захотела повторно вступать в реку, из которой чудом выплыла в молодости. Предпочла операциям, лекарствам, химиотерапии тихий побег под группу The Animals.

«У нас был шанс...»

«Мчи меня к луне, – пел Синатра, – я хочу петь среди звезд».

Под слоем пенной воды мертвая Яна улыбнулась с грустью. Из ее вспоротых запястий струились красные волосы, они колебались, будто трава на речном дне.

Вечная песня любви.

Парящая фигурка Яны раскололась пополам и брызнула серебряной лавой света.

Филип закричал, выпрямляясь на кровати.

От обжигающей вспышки пекло глаза.

Радио замолчало. Призрак исчез. Вместо зыбкого силуэта десятки Ян, написанных бордовой, пунцовой, алой красками, жили на холстах, нежились в лучах солнца.

3.2

– Привет, шеф!

Корней вошел в офис бодрой походкой. Два стаканчика с «эспрессо» грели пальцы.

– Я тебе...

Он осекся. Рабочее место слева пустовало. В кои-то веки Коля Соловьев опоздал на работу. Немыслимый, аномальный случай.

«Заболел? Нет, он бы предупредил меня».

Корней включил компьютер, поднял жалюзи, насыщая помещение солнечным светом.

Утром он приготовил Оксане яичницу, тосты, обжарил и украсил стеблями лука сыр гермелин (она говорила: «гремлин»). Сбегал в китайский магазинчик за молоком.

Оксана, успевшая надеть платье и напудриться, округлившимися глазами рассматривала поднос.

– Это запрещенный прием, – вынесла она вердикт, – ни один мужчина, кроме папы, не подавал мне завтрак.

– Кулинария – мое хобби, – скромно сказал он. – Можешь перевести фразу на чешский?

Она наморщила лоб, жуя салатный листик.

– Vaření je můj... хобби?

– Ты освоила притяжательные местоимения!

– Были хорошие учителя.

– А «хобби» по-чешски koičěk. Как «конек», легко запомнить.

– Очень вкусно! – Она уплетала сыр. – Я твоя должница. Мой «конишек» – пироги с вишнями. Так что в следующий раз за мной ужин.

– Договорились! – Идея следующего раза обнадеживала.

На улице, перед тем как расстаться, она чмокнула его в щеку.

– Спасибо за еду и за порядочность.

Подозрение клюнуло: не был ли ночной эксцесс постановкой, проверкой? Обкатав, он отмел эту мысль. Нельзя симитировать такой бессмысленный взгляд.

Корней запустил браузер, вбил в поисковую строку «сомнамбулизм».

«Психическое расстройство парасомнического спектра, при котором люди совершают какие-либо действия, находясь в состоянии сна».

«Склоняют к сексу», – от себя добавил Корней.

«Случаи сомнамбулизма обычно состоят из простых, присущих конкретному человеку действий, но иногда появляются сообщения о людях, чье поведение во время сна отличается высокой сложностью».

Статью из «Википедии» иллюстрировала картина Джона Эверетта Милле: босоногая девушка в белой сорочке бредет по полю. Да, именно такие глаза были у Оксаны.

«Причина снохождения неизвестна».

«По оценкам, распространенность составляет 4,6 – 10 %».

– Редкий экземпляр... – буркнул Корней.

«Название „лунатизм“ происходит от позднелатинского *lunaticus* – безумный, от латинского *luna* – луна. Термин связан с представлениями древних народов о влиянии лунных циклов на психику человека».

– Полнолуние... – шепнул Корней.

В прихожей зазвенели колокольчики, ворсистый ковер зашуршал под подошвами.

– А кто это у нас опаздывает? – спросил Корней.

Но на пороге появился вовсе не Соловьев. Визитер был одет в элегантный костюм цвета морской волны, льняную рубашу с широким воротом и остроносые туфли. Яйцеобразная голова заострялась к ранней лысине. Круглые очки стреляли бликами, отражая свет. Поразительно высокий, мужчина пригнулся, чтобы не удариться макушкой о притолоку.

Корней перешел на чешский:

– Здравствуйте.

Визитер улыбнулся. А Корней онемел.

В интернат Корней Туранцев поступил семиклассником и отучился два года. Два бесконечно тяжелых года. Ему мнилось, что будет неплохо пожить вдали от маминого приятеля. Но фантазии о летнем лагере, днепропетровском Хогвартсе, расшиблись о суровую реальность.

Дети в интернате были хуже, чем третий отчим. Учителя тоже, особенно Анатолий Анатольевич Грач, химик. Обидные клички, пропавшие из тумбочки вещи, жвачка в тетрадках – самое безобидное, что поджидало Корнея.

На территории школы догнивала заброшенная котельная, в ее недрах мальчишки курили, а некоторые экспериментаторы нюхали клей, пытались добыть наркоту из пенки для бритья или балдели от колес трамадола.

Туда зимой трое подростков затащили Корнея, разделали донага и тыкали носом в захарканый обледенелый пол.

Паша Дымченко по прозвищу Дым. В первое время он не проявлял по отношению к новенькому никакой агрессии, был поспешно занесен в категорию «нормальных». Ошибка вскрылась довольно быстро. Начав с безобидных подколов, в октябре Дым без малейших причин перешел на подножки и оплеухи.

Он прощупывал почву и понял, что почва рыхлая.

Дым не просто травил Туранцева, он возглавил травлю.

– Терпи, – сказал отчим, – или дерись.

Легко советовать.

Раздеть Корнея придумал Дым.

– Снимайте с него шмотки, ребзя.

Лопнула резинка трусов. Мороз вгрызлся в кожу, а Корней хныкал, сгорая от стыда.

Его перевернули на спину, словно нелепого жука.

– Зыряйте, писюн обрезанный! Где твоя шкурка, Туранцев?

Он мог переадресовать вопрос детскому хирургу, оперировавшему маленького Корнея, но Дым ударил ботинком в бок:

– На меня смотри, жид! Ты жид, так?

Корней замотал головой.

– Че ты ля-ля? Только жидам кромсают залупу!

– Н-нет.

– А чем докажешь? – спросил поделщик Дыма, Сергун.

– Да, да, чем докажешь?

Корней замычал, заворочался в ледяном крошечке и окурках.

– А пусть он в жиды плюнет! – сказал Дым.

– Тема, – одобрил Сергун.

– Приведите-ка Мишку Бродского.

Мишу привели – застенчивого ботаника-аккуратиста. Он сразу расплакался. Голого Корнея подняли и поставили напротив.

– Плюй.

Слезы струились по щекам Миши.

– Нет, – тихо сказал Корней.

– Что ты мямлишь, пидор?!

– Нет. – Голос стал тверже.

– Повтори-ка.

– Нет!

Двадцатисемилетний Корней едва не выпалил это «нет» в лицо визитеру.

Потому что узнал его.

Потому что в офис пражского издательства заскочил Паша Дым собственной персоной.

«Но это нонсенс, – ошалело подумал Корней. – Дым не мог очутиться здесь...»

Страх окутал его. Не тот страх, что он испытал в котельной.

Иного свойства.

В девяносто восьмом они с мамой ненадолго перебрались в безликий степной городишко Херсонской области. Хрущевки, винно-водочные магазины, разруха. И каменный сад – нагромождение стен на площади.

Сад представлял собой круги из торчащих вертикально бетонных плит, каждая выше и шире стандартной входной двери. Плиты были вогнутыми, с узорчатыми отверстиями, чтобы смотреть в соседние проходы. Внешний круг состоял из тридцати, наверное, стен, а внутренние кольца сужались к центру. Коридоры, образованные бетоном, узкие и всегда тенистые, пахли мочой. Асфальт под ногами зеленел мхом, а краска, покрывавшая плиты, давно облезла. Вместо разноцветных гигантских костяшек домино – серые надгробия.

Корней смутно помнил, что заходил в первый кольцевой туннель, а мама бродила вдоль сада, он видел ее в проемах между плитами, а потом не видел, а потом снова видел и спешил обратно на волю. Ему мерещилось, что за ним наблюдают.

Страх, который гость пробудил в Корнее, был иррациональным, детским, подувшим из лабиринта надгробий.

– Мое почтение, – поклонился великан. Он говорил по-чешски, с американским акцентом.

Голос развеял оцепенение. Заработала логика.

Дым был среднего роста, совсем не гигант. Не носил очков и уж точно – костюмов. А главное, он умер в семнадцать лет. Избавил землю от своего отягощающего присутствия. Пьяный, разбился всмятку на мотоцикле.

«Что с тобой, Корь? Спутать фешенебельного джентльмена с мертвым гопником?»

И все же гость был чертовски похож на повзрослевшего Дыма. Даже глаза под очками в проволочной оправе похожи.

– Здравствуйте... – выдавил Корней.

– Вы издаете книги, не так ли?

Джентльмен положил на стол толстую стопку листов, прошитую пластиковой пружиной. Корней задался вопросом: была она в его руках или материализовалась из воздуха?

«Что за бред! Сосредоточься, не выставляй себя дураком».

– Да, конечно, – затараторил Корней, – присаживайтесь.

Мужчина занял стул. Уложил длинные кисти на колени. Он улыбался и поблескивал: окулярами, отражающими свет, запонками, коронками.

– Моя фамилия Леффлер. Отто Леффлер. К вашим услугам.

– Корней Туранцев.

Обошлись без рукопожатия.

– Видите ли, я писатель. А это, – он пошевелил указательным пальцем, – моя книга.

Эффект схожести исчезал, если не всматриваться в лицо, и Корней пододвинул к себе рукопись.

– Художественная литература?

– Упаси бог! – неискренне засмеялся Леффлер. – Кое-что сенсационное.

Подшивку украшала фотография Луны. Вспомнился вчерашний поход в обсерваторию.

– Дело в том, – сказал Корней, листая страницы, – что публикацию книг обсуждает с клиентами мой начальник, пан Соловьев. Он вот-вот придет.

Взор задержался на вкладке: снова Луна, но запечатленная вблизи. Кратеры, иссеченная астероидами пустошь. Миллион лет метеоритной эрозии.

– Боже, – сказал Леффлер, – мы никогда не видели ничего подобного.

– Простите?

Клиент улыбался застывшей улыбкой. Выпученные глаза не моргали под кругляшами стекол. Позади, за окном, ездили автомобили, шагали прохожие.

– Это слова Альфреда Уордена, пилота командного модуля «Аполлона-пятнадцать». Четвертая высадка на Луну.

– Вы пишете о космосе? – спросил Корней.

– Семидесятая страница.

Корней нервно покосился на дверь: «Ну где же ты?!» Зашелестел листами.

Инопланетный пейзаж был похож на предыдущие, как Отто Леффлер на Пашу Дымченко.

– Двадцать второе ноября шестьдесят шестого года. НАСА опубликовало фото, сделанное спутником «Лунар Орбитер» в Море Спокойствия, вблизи кратера Кэли Би. Видите, объекты?

– Да...

Корней дотронулся до темных пупырышков, растущих из лунной поверхности.

– Гнезда, – сказал Леффлер.

Корней открыл рот, но гость перебил:

– Сто третья, пожалуйста.

«Шиза», – подумал Корней, листая.

Гость, конечно, не был восставшим из могилы Дымом. Обыкновенный задрот, помешанный на конспирологии.

– Срединное море, – пояснил Леффлер. – К востоку от кратера Триеснекер. Снимки сделаны вручную с орбиты в ходе миссии «Аполлон-десять».

– Ладно, и что это?

Корней изучал каменистую равнину, куски реголита, подобие обелиска, бросающего тень на ближайшие хребты. В офисе странно пахло: мокрыми сигаретными бычками, подвалом, котельной...

– Башня, – промолвил Леффлер. В голосе звучали глумливые интонации. – Трехкилометровый аномальный объект на лунной поверхности. Высокоорганизованное образование. Артефакт. На увеличенных снимках, сделанных с негативов, различима конструкция, состоящая из отражающих свет кубических ячеек.

– Ух ты! – сказал Корней, интересом маскируя иронию. – База пришельцев?

– Кратковременный выброс газа, попавший в объектив. Игра теней и эрозии. Или облако пыли в межзвездном пространстве на линии видимости камеры. Или нагромождение лавы. Или дефект на пленке «Истмен Кодак». – Леффлер отлип от спинки и наклонился к Корнею: – Или мой дом.

Секунд пять Корней молчал, глядя в поблескивающие стекла очков, на полумесяц насмешливой ухмылки.

– Круто, – подытожил он, вставая. – Я сейчас.

Лишь повернувшись к Леффлеру спиной, он заулыбался. Прикусил язык.

В глубине офиса, рядом с кладовкой, находился туалет. Корней заперся, нашел в адресной книге номер начальника.

«Дом на Луне! Жаль, Соловьев этого не слышал».

Считая гудки, Корней отметил, что психи разной степени агрессивности наводнили Прагу. Будто мало ему Сектанта, занимающегося членовредительством на остановке.

– Алло, – ответила женщина. Жена Коли.

– Алис, привет. А где шеф?

– Мы спим, – сказала Алиса. И отключилась.

Корней посмотрел на мобильник.

«Мы спим», – Алиса произнесла это так, словно жевала кашу.

«Что за черт?!»

В офисе ждал новый сюрприз. Пан Леффлер испарился. И рукопись прихватил.

«Ушел втюхивать другим свою ахиною про башни», – подумал Корней.

Работа не ладилась – выросший двойник Дыма оккупировал мысли.

«Гнезда... птенцы...»

Корней раздраженно выругался.

Начальник так и не появился в издательстве.

Гугл поведал скучающему Корнею о мистификациях вокруг спутника Земли, о двадцатимильных башнях, якобы сфотографированных советским «Зондом» в Море Кризисов, о шестисотполосной аналоговой системе «Сейверора-6», позволившей заснять цепочку лунных пирамид.

– Истина где-то рядом... – пробурчал Корней.

В пять он заехал к Соловьеву, но издатель не открыл подъездную дверь. Из динамика домофона раздался отрывистый голос Алисы:

– Мы спим!

На этом все.

Снаружи (3): Всюду

Дебрецен...

Сновидениям Криста придавала особое значение. Обычно она просыпалась несколько раз за ночь и, проснувшись, записывала парой слов увиденное во сне. «Ужин, мама». «Зоо-

парк, паника». «Золтан, поцелуй». Тетрадь с ручкой лежали на тумбочке. Так наутро она могла вспомнить не только последний сон, но и все приснившиеся.

Этим утром она не успела просмотреть записи – младший сын разбудил криками. Его мучили кошмары. Какие, он не рассказал. Лишь к вечеру Криста заглянула в тетрадь.

Прошлая ночь подарила одну запись.

«Убила детей».

Баночка крема выпала из дрогнувшей руки.

Бердянск...

«Мы прощаемся сегодня... до свиданья говорим...»

Надя порылась в памяти, чертыхнулась и вынула из кармана потрепанную шпаргалку.

«Этот центр непременно скоро снова посетим».

Она зевнула от души. Программа завтрашнего мероприятия никак не желала зубриться. Адский день. Сначала близняшки из шестого отряда истошно кричали во сне во время тихого часа. Потом мальчуган умудрился получить солнечный удар – в конце августа, в последний день смены.

Какие уж тут стихи!

Надя потеряла глаза. В коридорах корпуса царил тишина. Дети отплясали на дискотеке, слопали булочки с соком и отдыхали в преддверии возвращения домой.

И Наде пора было смывать загар, переформатироваться, заново втягиваться в учебу.

«Летним дням скажи спасибо...»

Голоса доносились из-за закрытых дверей.

Надя приблизилась, стараясь не шуметь: ну я вам покажу, как игнорировать отбой!

Напрягла слух.

– А бабушка была дальтоником и купила розы черного цвета.

– Разве такие бывают? – картавя, спросил Митрофанов.

– Бывают! – заверил рассказчик. Надя угадала голос Ермолаева. – Не перебивай.

– Прости.

(«Пгости».)

– И купила она черные розы. Поставила в вазу около кровати внучки. А ночью...

«Из цветов вылезла рука», – подумала Надя.

– Из роз вылезла рука.

Надя улыбнулась в кулак. Сколько лет прошло, сколько поколений сменилось, а страшилки одни и те же. Про гроб на колесиках, про пиковую даму и Надина любимая – про красные перчатки. В детстве ей даже кошмар приснился: ведьма с багровым лицом и багровыми лапами.

– Как это? – спросил скептик Митрофанов. – Прямо из бутонов?

– Прямо-прямо. Стала рука девочку душить.

«И так продолжалось три ночи», – подумала Надя.

– Девочка теряла вес, худела. Отец ее решил разобраться. Вооружился топором, лег к ней в кровать.

«А в двенадцать часов...»

– Из розы полезла рука. Отец – раз! – топором ударил, отрубил мизинец. Утром счастливая семья собралась на кухне, смотрят... – Ермолаев выдержал эффектную паузу. – А у бабушки мизинца нет!

Надя распахнула дверь, и темнота заверещала детскими голосами.

– А ну молчок! – цыкнула вожатая. – Этаж мне перебудите.

– Надежда Юрьевна, – пискнул Митрофанов, – мы спим!

– Вижу я, как вы спите. Двенадцать часов...

- У-у-у... – загудел Ермолаев.
- Я кому-то тут поукаю! – пригрозила Надя. – Давайте на боковую.
- А если бессонница? – закричали пружины сбоку.
- Считайте овечек. Спорим, не досчитаете до ста?
- Спорим!
- Ну все, спите. Ермолаев?
- Да, Надежд Юрьна?
- Классная история.

Она прикрыла дверь. Пошла по скрипящим половицам в комнату персонала. Койки пустовали. Воспитатели сбежали на пляж пить портвейн и целоваться.

А ей надо придумывать кричалку и зубрить сценарий закрытия смены.
Надя сгорбилась над столом, заваленным плакатами.

– Мы прощаемся сегодня, до свиданья говорим.

После тридцатой овечки дети покинули кровати, просеменили по коридору и тихонько вошли в воспитательскую комнату. Надя просила, плакала, выла. Но никто не проснулся на этаже. Когда дети сходили по лестнице – к берегу, к фигуркам взрослых у моря, их ручки были словно одеты в красные перчатки.

Тверь...

Дежурная сестра послунявила палец.

Что за напасть?

«Падение в бездну – к сердечной болезни».

Она помассировала грудную клетку.

Этого только не хватало. Почки, гастрит, гайморит... Но мотор пока не барахлит, тьфу-тьфу-тьфу.

Она отложила сонник, взяла другой, потолще.

«Пэ». Падает посуда, падает снег, падает метеорит... Падение в бездну.

«Ваша жизнь на грани серьезных перемен».

По травматологическому отделению пробежал сквозняк. В одной из палат что-то глухо стукнуло – сестра хмуро огляделась, но не покинула пост. Плотнее укуталась шалью.

Перемены... перемены, это плохо. Сменится главврач, и ее отправят на пенсию. А жить как?

Третий толкователь, в измочаленной суперобложке, лег перед дежурной. Здесь ответы различались в зависимости от специфики падения. С моста – судьбоносное испытание. Нет, не было моста. С края – вот! – к изумлению.

Изумление – не очень хорошо. Изумление для ее возраста равно сердечной болезни.

Что тут дальше?

Падать медленно – к...

Сестра вздрогнула.

И вслух не скажешь, к чему.

Ну нет, рано мне, надо детей на ноги поставить, надо завещание написать, надо...

Она оторвала от сонника слезящиеся глаза и увидела за пеленой людей.

Пациенты (какого лешего?) выбрались из палат.

Те, что шли на поправку, и те (сердце болезненно сжалось), которых прооперировали сегодня. В гипсе, на неустойчивых едва сросшихся ногах, со спицами в мясе.

Они пялились на медсестру тусклыми пуговицами глаз.

Цок – костыль стукнул в пол.

Сонник захлопнулся, сестра отгородилась от наступающих пациентов, от сломанных марионеток, от их теней скрюченными пальцами.

И было изумление. И была смерть.

3.3

Улица круто взбиралась вверх. Фонари. Декоративные тротуарные столбики. Банкомат, втиснутый в старинное здание. Хромированная гусеница припаркованных автомобилей. Под решетками ливневки – мусор и тайны пражских подземелий.

Зашумели вертолетные лопасти, Филип задрал голову. В узкой полосе между кровлями зданий пролетела железная стрекоза с маркировкой Policie на борту.

Такой же вертолет, но поменьше, жужжал в его голове. Перемалывал лопастями мозговое вещество. Царица Инсомния преподнесла новый сюрприз: сны наяву, визуальные и слуховые галлюцинации. Образ парящей Яны преследовал его. Но даже сильнее миражей Филипа тревожила собственная бодрость. Будто отсутствие отдыха шло на пользу. Будто перепаханное сознание поместили в не ведающее усталости тело. И, проспавший двадцать минут, он мог станцевать твист или пробежать стометровку.

Вдруг эта пружинистость и какая-то... алчность до действий в мышцах – признаки непоправимых роковых изменений, перелопативших организм?

Он энергично потрепал реддеющие волосы.

Над стриптиз-клубом мерцали неоновые буквы. Пахло карри из вегетарианского ресторана.

С улицы, забитой праздными гуляками, Филип попал в пустынный полуночный мир черных дворов, лабиринт из трех-, пяти- и семиэтажных домов, где социалистические коробки лепились к красночерепичным домишкам девятнадцатого столетия. Здесь, в мансарде, расположилась мастерская художника Сороки.

«Не теряйте связи с друзьями», – советовал психолог.

Войдя в мастерскую, Филип пожалел, что вообще выбрался из дому. У Сороки был аншлаг. Многочисленные комнаты под скатами крыши заполнила пражская богема. Посетители бродили вдоль картин, многозначительно цокали языками, пили глинтвейн из пластиковой посуды.

– Сколько лет, сколько зим! – обрадовался Сорока. Филип вытерпел пытку объятиями. – Как хорошо, что ты согласился прийти. Давай наливай себе выпивку. Я скоро присоединюсь.

Филип буркнул что-то, взял кувшин со стола, оплескал алкоголем туфли.

– Вам помочь?

Женщина лет сорока подплыла из тумана. В мастерской курили кальян, электронные сигареты, марихуану.

– Спасибо, я справлюсь.

Женщина смотрела на Филипа внимательно. У нее было худое костлявое лицо, волосы выкрашены в синий, под цвет пролетевшего над кровлями вертолета.

– Ваша фамилия Юрчков?

– Точно.

– О! – Синевласка всплеснула руками, зазвенела перстнями и браслетами. – Я – ваша поклонница. Видела работы в «ДОКС Центре».

– Что ж, спасибо, э...

– Вилма.

– Спасибо, Вилма, – пожал он сухую кисть.

– Вы давно не выставлялись. Готовите что-то новое?

– Нет. – Филип отхлебнул напиток. Во рту запершило. Хозяева переборщили с имбирем.

– Очень жаль. По-моему, вы – из лучших. Ваши картины чувственны, в них есть страсть, как у того парня, что рисовал мясные туши.

– И опять спасибо.

Вилма окольцевала его локоть, увлекала в облака пара. На стенах корчились абстрактные формы, перетекали друг в друга вязким пластилином. Мерещилось, вот-вот они польются из рам, закапают на пол. Вокруг материализовывались смутно знакомые люди, здоровались, хлопали панибратски по плечам.

– Вы словно не в своей тарелке, – заметила Вилма.

– Мало выпил. Мало спал.

– Бессонница? Кто-то говорил, что бессонница – бич честных. Только подлецы спят спокойно.

Во мгле скользнула копна рыжих волос. Филип автоматически шагнул следом. Рыжая повернулась чужим профилем, зашпаклеванным косметикой. На экране в углу желтые персонажи путешествовали по желтому миру обезумевшей геометрии. Филип идентифицировал фильм: «Кабинет доктора Калигари» двадцатого года.

Яна обожала кино и научила мужа наслаждаться немым кинематографом.

Инфернальный гипнотизер подчинил своей месмерической воле лунатика Чезаре. Чезаре спит вот уже двадцать три года, но во сне по приказу гипнотизера совершает злодеяния. Напрасно герои пытаются разбудить сомнамбулу... Зрителя не побалуют хеппи-эндом.

– Что вы сказали? – Филип переключился на собеседницу.

– О, милый мой, вам надо помочь. – Вилма коснулась висящего на цепочке кулона: серебряного кувшина. – И у меня есть снадобье. Идем.

Она потянула его за руку. Мимо одурманенных лиц, доброжелательных улыбок и гнетущих форм.

В ванной, на корзине с грязным бельем, дрых перебравший спиртного толстяк.

Филип наблюдал за манипуляциями Вилмы. Она высыпала на ободок раковины щепотку порошка, банковской картой выровняла его в линию.

– Кокаин? – спросил Филип.

– Лекарство. – Она вручила Филипу фиолетовую купюру. – Прошу.

Он помешкал. Склонился и приставил к ноздре «Масарика»⁶. Прежде ему не доводилось нюхать наркотики.

Спящий толстяк закричал на плетеном троне. Филип вдохнул порошок, смел с фаянса гранулы.

Будто фейерверк взорвался за переносицей, искры подожгли хворост в черепной коробке.

– Ух ты! – Он потер нос, блаженно ухмыляясь.

– Я же говорила!

Вилма уже сооружала вторую дорожку.

Вертолет, терроризирующий сознание, улетел. Теперь внутри Филипа извивался искрящийся провод.

– Тебе лучше?

– Лучше, лучше, лучше...

Они вошли в кальянную пелену. Нюх и зрение обострились. Филип видел каждый мазок краски, каждый угорь на щеках богемы. Слышал, как хохочет Калигари, пускай фильм и был немым.

Твари вылезали из рам, ползали у ног. Гибкие, рыхлые, ноздреватые. Минутные стрелки мчались по циферблату. Вилма танцевала под невразумительный микс джаза и стука зубов о стаканчики.

Филип рухнул на софу.

⁶ Томаш Гарриг Масарик – чешский социолог и философ, изображен на купюре в пять тысяч крон.

«Дьявол! Зачем я...»

Он заткнул пальцами уши. Сердце будто нашпиливалось на колючку.

– Вилма... противоядие...

Он зашелкал пальцами, чтобы привлечь внимание.

Но примолкшим посетителям выставки было не до него. Прервав свои блуждания, гости смотрели куда-то в прихожую. Филип, сосредоточившись, посмотрел туда же.

Толстяк, пять (десять, двадцать?) минут назад спавший в ванной, медленно шел по мастерской. В руках он держал шестилитровую пластиковую бутылку. Жидкость цвета вишни плескалась на половицы. Кто-то заворчал, отскакивая от брызг.

– Что вы делаете? – удивился Сорока. Он встал на пути толстяка.

Жидкость образовывала лужу у ботинок художника.

«Олифа», – подумал Филип. Искры – не все, но большая часть – погасли в голове. Словно костер потушили струей из шланга.

Толстяк икнул. Затряс бутылку. Штанины Сороки потемнели от маслянистой жидкости.

– И что же это будет такое? – спросил Сорока.

– Хрррг! – прорычал довольный толстяк. Щелкнуло колесико зажигалки.

Опережая крики, толстяк засмеялся. Пропитанный олифой реглан вспыхнул, превращая безумца в огненный столб. Искры – теперь настоящие – закружили в воздухе. Затрещали волосы. Сгорающий заживо человек шагнул к Сороке и обнял его.

А мгновение спустя мастерская превратилась в духовку.

Снаружи (4): Голицыно

– Не выключай, пап, – смущенно попросил Саша, когда отец потянулся к ночнику.

Антон Журавлев погладил сына по мягким волосам.

– Ты помнишь, что мы с тобой решили насчет Бабая?

– Помню. Мы решили, что его нет.

– Тогда в чем дело?

Мальчик неопределенно повел плечами и коснулся ссадины на лбу.

– Болит?

– Уже нет. Пап?

– Да?

Мальчик тяжело вздохнул:

– Я бы хотел не видеть снов.

– Глупости. Сны – это прекрасно. Это целый мир.

– Па?

– Да, милый?

– Ты знаешь Песочного человека?

«Ну вот! – ухмыльнулся про себя Антон. – Неделю назад мы с боем выжили из шкафа Бабая, теперь ему на смену пришел новый монстр».

– Если он поселился в моем шкафу, я буду взымать с него квартплату. Нам и так тесно, без сказочных персонажей.

– Он не в шкафу, а во сне.

– Понятно.

Отец встал с кровати и подошел к книжной полке. Провел взглядом по корешкам детских книг.

– Ага, вот он! – Антон снял с полки увесистый черный томик, на обложке которого значилось: «Гофман. Сказки». – Пожалуй, я заберу у тебя это пока.

– Мне они нравятся.

– Мне тоже. Но некоторые рассказы Гофмана чересчур взрослые. Я верну тебе их через пару месяцев, хорошо?

– Хорошо.

– И запомни, герой, в нашем доме тебе ничего не угрожает. Если тебе приснится какая-нибудь злюка, просто дай ей подзатыльник.

Саша заморгал, соглашаясь. Нижняя часть его лица уже была скрыта одеялом.

– Сколько раз тебя можно поцеловать? – поинтересовался Антон.

– Пять.

– Только пять? Я хотел тысячу пять.

– Ну, па, это же продлится до утра!

Отец засмеялся и поцеловал сына в переносицу разрешенные пять раз.

– Па?

– Да, Саша?

– А если я сделаю что-нибудь плохое во сне, ты будешь ругать меня?

Вопрос застал Антона врасплох.

– Не буду, – произнес он. – Сны – это же понарошку.

– Хорошо, – сказал Саша. – Спокойной ночи, па.

– Спокойной ночи, милый.

– Ами выляли фифисоемо, – сообщила Олеся из ванной комнаты.

– Амумумумумоемо, – передразнил ее Антон.

Олеся выплюнула зубную пасту, прополоскала рот и повторила:

– Я говорю, что Саша выглядит обеспокоенным.

– Немного.

– Он снова спит с включенным светом.

– Знаю. Его монстры должны платить нам за электроэнергию.

– Бабай вернулся?

– Его кузен. Песочный человек.

Олеся вышла из ванной, массируя шею. Волосы забраны в хвост, футболка прикрывает бедра. Спальня наполнилась запахом шампуня и ночного крема.

– Какой человек? – переспросила Олеся.

– Песочный. – Антон похлопал ладонью по томику Гофмана. – Читала?

– Нет.

– Опасно покупать детям книги, не зная их содержания.

– Но там же написано «Сказки»! – испугалась Олеся. – Это что, не для детей? Это порнуха?!

– Не совсем! – засмеялся Антон. – Да не волнуйся ты. Книжка детская, но некоторые сказки уж очень мрачные. Например, «Песочный человек».

– Я видела полнометражный мультфильм. Ему даже «Оскара» вручили.

– «Молчанию ягнят» тоже вручили «Оскара». И не один.

Блестящее от крема личико Олеси напряглось:

– И сильно ли отличается мультфильм от книжки?

– Значительно. Песочный человек – эдакий Фредди Крюгер без полосатого свитера.

– Час от часу не легче.

– Он приходит в детские спальни и сыплет в глаза малышей специальным песком.

– Чтоб они спали. Знаю.

– Да, но только от песка глаза малышей лопаются, и они слепнут.

– Ты шутишь?

– Нисколько. А еще Песочный человек любит забираться под одеяла и воровать детей. Знаешь зачем?

– Не хочу знать.

– Чтобы отнести их на Луну. Там у него гнездо, а в гнезде сидят его детеныши. Мерзкие существа с клювами. И угадай, зачем им нужны клювы?

– Давай остановимся.

– Правильно! Чтобы выклевывать глаза малышей!

– Черт, Саша все это читал?!

– Успокойся. Тысячи детей это читали.

– Но не все из них после прочтения становятся лунатиками!

– Не думаю, что лунатизм Саши связан с Гофманом. Доктор сказал, что это возрастное и вполне обычное явление. И что единичные случаи не должны нас тревожить.

– Вот как? Да ведь Саша чуть голову себе не разбил!

– Ты преувеличиваешь. Просто стукнулся о шкаф. Перепугал всех Бабаев, что в нем сидели.

– Я тебя ненавижу. – Олеся схватила книгу так, словно это была огромная жаба, и брезгливо бросила в недра тумбочки. – И зачем люди пишат такие гадости?!

– Во всех сказках есть элемент страшного, – голосом профессионального лектора произнес Антон. – В оригинальной версии «Золушки» братьев Grimm злых сестер наказывают, отрубая одной палец, а другой – пятаку. У Шарля Перро в «Мальчике-с-пальчик» людоед режет глотки своим детям, в «Красных башмачках» Андерсена девочке ампутуют ноги. А вспомни Синюю Бороду, Серого Волка, ведьму из пряничного домика, живую голову из «Руслана и Людмилы»... Страшные сказки нужны детям, они учат сопереживать, помогают трансформировать негативное в позитивное.

– Отделять добро от зла, – закончила за него Олеся. – Я понимаю. И все равно с глазами – это перебор.

Антон был вынужден согласиться.

– Хочешь, посмотрим кино, – предложил он, заглядывая в ноутбук. В браузере была открыта статья о сомнамбулическом состоянии у детей.

– Нет настроения. Мне завтра в девять к окулисту.

Пластиковая бутылка зашипела, открываясь. Олеся отправила в рот горстку таблеток и запила минералкой.

– С каких пор ты принимаешь снотворное? – вскинул брови Антон.

– Да это так... успокоительное. Последнее время ужасно не высыпаюсь. Кошмары снятся.

– Что снится?

– Не хочу говорить.

Антон не стал расспрашивать, зная, что в течение минуты она все ему выложит. Не успел он выключить ноутбук, как она сказала:

– Представляешь, мне снилось, что я съела Сашу.

– Здорово же ты проголодалась.

– Не смешно, – поежилась Олеся.

– Извини. Но ведь он правда очень сладкий.

– Ты чудовище.

– Не обижайся. Это всего лишь сны. И десять минут назад я говорил ту же фразу нашему сыну.

– Тебе легко рассуждать.

Олеся наклонилась, чтобы поправить подушки. При этом подол футболки задрался, обнажив упругие, как и десять лет назад, ягодицы под полупрозрачными сиреневыми труси-

ками. Антон смотрел на попку жены с видом, с каким посетители галереи рассматривают картины мастеров эпохи Возрождения.

Олеся сняла линзы и улеглась в постель.

– И через сколько минут ты отрубись? – спросил Антон, поглаживая ее по ноге.

– На упаковке написано: через пятнадцать.

– Я успею трижды довести тебя до оргазма.

Олеся фыркнула:

– Что-то не верится.

– Проверим?

– Только быстро.

– Только так.

– Свет, – сказала Олеся после продолжительного поцелуя.

– Самая тяжелая работа на мне... – проворчал Антон, вставая.

Олеся задрала к потолку стройные ножки и стянула трусики, оставшись в одной футболке.

– Заглянешь потом к Саше?

– Загляну. Я посоветовал ему давать подзатыльники всякому приснившемуся монстру.

Антон щелкнул выключателем, и комнату заполнил лунный свет.

– Жалюзи.

– Да, о повелительница!

Он протянул руку к веревке, опускающей жалюзи. Взгляд скользнул по окну. Рука застыла в воздухе.

– В чем дело, дорогой?

Антон не отвечал.

– Ты меня пугаешь.

– Там... там кто-то есть.

– Что?! – Олеся приподнялась на постели. – Ты имеешь в виду, у нас во дворе?

– Мне кажется, я видел кого-то под окнами.

– О господи! Как он выглядел?

– Изогнутый клюв, мешок с песком за спиной...

– Надеюсь, ты понимаешь, насколько это не смешно.

– Ладно. Просто тень промелькнула.

– Скорее иди в кровать.

Антон нерешительно замялся:

– Черт...

– Что на этот раз? – вздрогнула Олеся.

– Я забыл занести в дом мангал.

– Ну и хрен с ним.

– Нет. Второй украденный мангал за год – я этого не перенесу. Пойду проверю, кто там шляется.

Олеся села, подтянув под себя ноги.

– Никуда я тебя не пушу.

– Брось. Я только посмотрю.

– Но мы же...

– Я туда и обратно. Не хватало, чтобы бомжи решили, будто к нам можно ходить, как в гости. – Олеся недовольно надула губки. – Ну, перестань. Я мигом.

– Возьми с собой телефон.

– Хорошо. – Он сунул мобильник в карман пижамных штанов. – Не смей засыпать!

– Если ты успеешь за три минуты, у тебя останется еще около трех.

– Это мое время, детка!

Он вынырнул в коридор. Поравнявшись с детской, прислушался. Саша, конечно, спал, и, судя по благостной тишине, спал в кровати, а не на ходу, как в прошлый раз.

Телефонный звонок застал Антона на кухне.

– Журавлев слушает.

– Где ты лазишь? – прошептала Олеся из трубки.

– Я только к дверям подошел.

– Подошел, и хватит. Теперь возвращайся.

– Мы, Журавлевы, никогда не возвращались без мангала.

– Вы, Журавлевы, возвращались даже без ботинок.

Она намекала на случай восьмилетней давности, когда студента Журавлева друзья доставили домой, пьяного и босого.

– Случалось, – признал Антон, выглядывая в кухонное окно. Олеся дышала ему в ухо. Бродяг, по крайней мере с этой стороны дома, видно не было.

– Эй! – позвала жена. – Ну что там?

– Все в порядке. А ты как?

– Засыпаю.

– Не вздумай! Что ты делаешь сейчас?

– Что делаю, блин?! Тебя жду.

– А в чем ты?

– В футболке. По-прежнему.

– Ты не надела трусики?

– Нет.

– Грязная девчонка. – Он открыл двери и вышел из дома. – На улице отличная погода. Луна, как в том фильме про оборотней. С Лоном Чейни-младшим.

– «Сумерки»?

– Ага. Почти.

– Что еще видишь?

– Штакетник, который нужно покрасить, качели, поливной шланг, песочницу... Твою мать!

– Что?! – встрепнулся голос Олеси.

– Соседский кот нагадил в нашу песочницу!

– Я говорила, что я тебя ненавижу?

– Десять минут назад. Кстати, мой любимый мангал на месте.

– Вот и чудесно. Возвращайся в дом. И трахни меня как следует.

– Боже! – Антон довольно ухмыльнулся. – Я лечу к тебе!

Он сунул телефон в карман и в этот момент краем глаза заметил какое-то движение. Резко развернувшись, он увидел темную фигуру, сворачивающую за угол.

«А вот и наш воришка», – хмуро подумал Антон.

Шурша тапочками, он последовал за незванным гостем. Задний двор представлял собой широкий участок, выложенный серой плиткой. Обычно Журавлевы загорали здесь, или перебрасывались мячом, или устраивали пикники с друзьями. Луна осветила человека, стоящего спиной к хозяину дома, лицом к увитому виноградником забору.

Пальцы Антона сжались в кулак. Сердце застучало сильнее.

– Эй! – приглушенно окликнул он гостя.

Человек – мужчина – не сдвинулся с места.

Антон нервно покрутил шеей.

Бродяга или грабитель давно перепрыгнул бы через забор и дал деру, но ночной визитер стоял как истукан, не реагируя на появление законного домовладельца.

– Эй ты!

Промелькнула мысль – вернуться в дом и вызвать полицию, но тут луна скинула с себя последние клочки облаков, оголилась, и Антон отчетливо разглядел гостя.

Средний рост, плотное телосложение, всклокоченная копна иссиня-черных волос. Темная футболка, ниже – семейные трусы, еще ниже – высокие, до середины голени, носки. Ни брюк, ни обуви.

– Дима?.. – озадаченно спросил Антон.

Дмитрий Суханов был ближайшим соседом Журавлевых. Всегда улыбчивый и радушный, он работал в глянцевого журнала и делал ежемесячные пожертвования умственно отсталым детям. Сам он детей не имел, находился в разводе и холостяковал в большом двухэтажном особняке. Впрочем, от одиночества тридцативосьмилетний Суханов не страдал: Журавлевы давно потеряли счет подружкам, которых водил к себе любвеобильный сосед.

– У Суханова новая пассия! – сообщила Олеся за ужином.

– Блондинка?

– Не-а! Рыжая.

– Черт! – Антон нехотя отдавал жене сотенную купюру.

Девушки были без ума от Суханова. Что до Журавлевых, те искренне симпатизировали соседу. Часто они устраивали совместные барбекю.

Это было совсем не похоже на Диму: заглянуть в гости ночью, да еще и без брюк.

Облегчение сменилось беспокойностью:

– Дим, что-то случилось?

Суханов не отреагировал, словно не слышал его.

Антон подошел к соседу вплотную и прикоснулся к его плечу. Суханов повернулся. Вернее, Антон сам развернул его, не прилагая усилий.

Лицо соседа было каким-то вялым и одутловатым, изящные черты оплыли, а приоткрытый рот делал его похожим на тех детей, которым он каждый месяц посылал деньги. Но в целом он выглядел умиротворенно.

– Да что с тобой, дружище?!

Суханов смотрел сквозь Антона и по-прежнему молчал. Луна отражалась в его остеклевших глазах. Такой же пустой взгляд, такие же зрачки были у Саши, когда он вздумал прогуляться по дому позапрошлой ночью.

Антон озарило:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.